

ЮРИИ НИКИТИН

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Сенсационный
приквел к
«Троице из Леса»!

Юрий Александрович Никитин

Начало всех Начал

Серия «Трое из леса», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172515
Начало всех начал: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31531-4

Аннотация

И сказал Господь: да будет свет... Наивные полагают, что это и было началом. Но нет, гораздо раньше было Начало всех Начал. А потом да, очень много всего: Вселенная, дивный сад, дерево познания добра и зла, треугольник Адама, Евы и Лилит, неистовый Мафусаил с мечом в руке, бунт ангелов, истребление драконов, стрела в сердце Каина, всемирный потоп и поголовное истребление нефелимов, стоккимов и прочих великанов.

...И первая на свете радуга, очень важный знак, о значении которого, увы, забыли.

Содержание

ПРОЧЕСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!	4
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	73
Глава 6	87
Глава 7	99
Глава 8	113
Глава 9	126
Глава 10	134
Глава 11	147
Глава 12	155
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Юрий Никитин

Начало всех начал

ПРОЧЕСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

Понимаю, сам такой, предисловия обычно пропускаем. Вообще-то не зря: автор обычно в чем-то оправдывается и вдобавок старается заранее объяснить тупому читателю, как понимать написанное. А если пишет не автор, то какой-нибудь умничающий дурак в предисловии к детективу обязательно расскажет, кто убийца, кто украл и чем закончится книга, да и любое произведение ухитрится сделать невозможным для чтения.

Здесь же пишу я, Никитин, и кто не прочтет, начнет задавать много лишних вопросов и будет выглядеть откровенным дураком. Так что, советуя, прочтите прямо щас.

Очень у многих возникнет вопрос: а почему автор взял какого-то жидовского бога и вокруг него закрутил все создание мира? Все-таки житель России, да еще не какой-нибудь там, а великой и славной, идущей от победы к победе, должен, даже непременно обязан, использовать только славянскую мифологию. А еще лучше – великорусскую.

С удовольствием бы это сделал, но дайте хоть один шанс, как говорил Творец из старого анекдота. Да вот беда: нет да-

же основы. Есть разрозненные обломки, даже не обломки, а имена, уцелевшие после прихода христианства, что бережно собрало их и записало, иначе бы все сгинуло. Задумай взять даже не великорусскую, а вообще славянскую мифологию, так легче, и то пришлось бы придумывать все заново. Можно, конечно, привычно обвинить сволочное христианство, что стерло с лица земли наше язычество, богатое и красочное, и пытаться восстановить по фрагментикам, но, увы, восстанавливать нечего. «Нетерпимое и злобное к другим верованиям» христианство еще раньше пришло в ту же Грецию, но что-то не стерло эллинские мифы. Такую махину оказалось не в силах даже поцарапать.

Да и буддизм, индуизм или синтоизм выстояли. Было чему выстоять, хотя христианские миссионеры из кожи вон лезли, лбы расшибали об их твердыни. А вот российские мифы рассыпались при первом же прикосновении. Да не просто христианства, а самой, скажем так это политкорректно, спокойной и миролюбивой его веточки – православия.

Ну, ладно, славянство оставим, но мы ж европейцы, почему не взять прекрасную и мрачную мифологию викингов, из которой родился сумрачный германский эпос? Она к нам все-таки ближе, чем семитская!

Для меня лично в скандинавском эпосе есть два огромных минуса. Если сложить их вместе, получается огромный надгробный крест, что закрывает для меня эту мифологию Севера. Первый: интеллектуальный уровень скандинавских бо-

гов гораздо ниже, чем у наших пьяненьких дворников, а уровень шуток ниже, чем даже у нашего телевидения. Вспомним, как Локи рассмешил до слез богов, в том числе и женщин, привязав к своим гениталиям бороду козла, а второе... это баранья покорность судьбе. И мудрейший Один, так его называют, и сверхмогучий Тор, и хитроумный Локи, и прекрасная Фрейя, и все остальные с точностью до минуты и до полушага знают, как они погибнут... и даже не пытаются изменить события! Фатум. Судьба. Рок. Мол, ничего не изменишь, я ударю вот так, он меня вот так, я парирую вот таким приемом, но он проведет внезапный удар снизу, который я обязан пропустить, хоть и знаю о нем заранее, после чего, смертельно раненный, отойду на три шага и склею лапы...

Да что это я про два минуса, это семечки, а вот действительно серьезное! Давайте взглянем, как Начало Начал выглядит «по-скандинавски». Любая мифология, как уже знаете, начинается с Начала Начал, то есть акта творения мира.

«По-скандинавски» в начале был великан Йоредьмир, первое живое существо. Потом появилась корова Аудхуибла. Из ее вымени хлынули четыре молочных потока, которыми поила Йоредьмира. Тот так напился, что его прошиб пот, а от пота под одной рукой в волосатых и вонючих подмышках родился сын, под другой – волосатая и вонючая дочь.

Корова облизала пот, из-под языка выскочил детеныш Бури, который тут же сам от себя родил сына Бьора. Сынок не стал рожать сам от себя, а революционно взял женщину,

от которой и родил трех сыновей: Водана, Хьонира и Локи. Они убили великана, из его ран хлынули кровавые реки, в которых сгинули все рожденные им великаны. Победители сбросили труп великана в бездну, образовав таким образом мир: из мяса получилась земля, из крови – море и реки, из костей – горы, из зубов – камни, из волос – деревья и кусты, из черепа – небесный свод, из мозгов – облака, из бровей – вал против бушующих вод моря...

Человека же вытесали из дерева. Фиг его знает, зачем. Просто так, взяли и вытесали.

Конечно, скандинавские саги очень популярны в простом и даже очень простом народе, в смысле – народах. Взгляните на чаты и форумы: каждый третий придурок – Локи, Loku или Loki. Там же полно всяких одинов, бальдров, торов, зигфридов и нибелунгов. Эти примитивные боги и герои просты и понятны подростку, а человечество, увы, в массе своей все еще подросток и хохочет над шуточками с телеэкрана!

Но мы-то, кто уже повзрослел, понимаем, что драчливое детство когда-то кончается, а вместе с ним уходят и драчливые герои. Нас, повзрослевших, мало, но понятно же, что будет все больше и больше. Повзрослевших вне зависимости от возраста: человечество взрослеет, увы или ура, кому как, но взрослеет.

Ладно, оставим скандинаво-германцев, но почему, в конце концов, не прекрасные и светлые эллинские мифы? К тому же эллины тоже европейцы, а не какие-то там индусы или

китайцы с их непонятностями.

Вот здесь вроде бы позиция автора странновата, все-таки вон какие прекрасные мраморные статуи Аполлона, Посейдона, Зевса, Афродиты... Величественные, благородные, пластичные, в красивых позах... Ну, если на уровне статуй, глыбже не копать, то да, согласен, прекрасные. Фигуры в смысле. О том, какие это были сволочи, знают те, кто прочел мифы хотя бы в школьном изложении. Красавцы-злодеи. И редкостные скоты.

Чтобы не голословить, посмотрим, просто посмотрим, как выглядит Начало Начал по-эллински. В начале был Хаос, он породил Ночь и Мрак, от кровосмешения этих брата и сестры родилась Гея. Гея родила Урана, он поимел ее, свою маму, в результате родилось двенадцать богов старшего поколения, титанов. Шесть братьев, шесть сестер. Младшенький Крон подкрался к отцу и острым серпом по этому самому месту... представили? Правда, классное ощущение?.. Оскопил родителя, после чего захватил власть.

Женившись на родной сестре, он всех рожденных детей проглатывал, опасаясь, что к нему тоже подкрадутся с чем-нибудь острым. Жена сумела обмануть мужа, подсунув вместо ребенка камень. Крон проглотил валун, такой был умный, а сынок вырос, его называли Зевсом, силой сверг отца и заточил его вместе с дядями в тартар (хотелось бы убить и окончательно решить проблему, но, увы, они ж бессмертные), а сам воссел на троне, установив его на Олимпе.

Словом, в «прекрасной эллинской мифологии» наш мир возникает в результате сплошного кровосмешения всех со всеми, где все боги – подлые твари: лгут, предают, отцы калечат детей, а дети – родителей, где даже лучший из лучших, победивший всех-всех и благополучно правящий миром – Зевс, как себя ведет?

Наш водопроводчик дядя Вася с бабами развлекается на всю катушку, и ему можно, как говорится, «все», а вот Билл Клинтон самую малость зашел дальше дозволенного и в результате народного возмущения чуть не полетел с президентского кресла. Что позволено дяде Васе, не позволено президенту, и уж никак не позволено богу! Но когда я вспоминаю прочитанное в детстве, вижу, что дядя Вася сгорел бы со стыда за такого бога. Зевс к Данае заглядывал через дырку в крыше и мастурбировал, заливая ее «золотым дождем», как изящно выражаются греки, к маме Геракла пробрался в отсутствие мужа, приняв его облик, Леду подстерег в виде лебедя, Европу поимел в облике быка... Кстати, настоящих быков, коров и всякий прочий рогатый и безрогий скот, а также лебедей, рыб, тритонов, крокодилов, он вязал, по терминологии кинологов, так же спокойно, как и людей, не видя различия! Когда в облике человека, когда в облике животного, какая ему разница?

Да плюс Зевс держал возле себя «любимца» Ганимеда, так любители эллинизма стыдливо именуют в литературе педерастов. А самую педерастию изысканно называют «греческой

любовью». Другие боги тоже не отставали в неразборчивом сластолюбии, и термин «греческая любовь» появился еще из-за таких вот особенностей эллинской мифологии.

Остальные боги из его сонма не лучше: его брат в виде коня изнасиловал Медузу, в результате чего родился Пегас, Аполлон имел стыд, как говаривали наши деды, даже с птицами... короче, эллинские боги, это не только: вот та статуя – Аполлон, а вон та – Зевс!

Прекрасная Афродита, которая родилась, как все знают, «из пены», но мало кто помнит, что это отец Зевса серпом отрезал гениталии собственного отца, чтобы тот после него больше никого не рожал, и швырнул в море. Вылились тонны белоснежной спермы, и вот из нее родилась Афродита, конечно же, богиня любви и совокуплений, раз из такого материала.

Бог-кузнец Гефест пытался изнасиловать Афину, но в борьбе выбрызнул сперму ей на задницу. Афина выдрала у него из бороды клочок, брезгливо вытерла голую... ага, ногу и бросила испачканные волосы на землю, а та, будучи сплошным влагищем, не зря же бесконечно рождает травы, деревья, родила из полученного материала волосатых и змееногих гигантов.

Знаете, я не ханжа и не скажу, что мне глубоко противна эллинская версия сотворения мира, где мир возникает в результате кровосмешения, но брать ТАКОЕ за основу... Да и само человечество в эллинском варианте сотворено хрен

знает зачем, для какой-то забавы. Как, впрочем, и во всех мифологиях, кроме...

Словом, я хоть и был влюблен в «прекрасные эллинские мифы», но даже в детстве от таких богов и такой морали все же не по себе. Ближе были рыцари с их суровым благородством и верностью то долгу, то королю, то прекрасным дамам. Не скоро пришло понимание, что это производное совсем от других мифов. Дальних. Не европейских.

Словом, эллинские мифы, как и скандинавские, создавали творцы в драчливо-пубертанском периоде. Взрослость, как было замечено, наступает, когда при взгляде на красивую женщину могут приходить еще и умные мысли. Так вот в эллинских мифах при взгляде на женщин у всех приходят только одни мысли, очень подростковые. А также при взгляде на коров, коз, ослиц, кобыл, гусей, собак...

Как уже говорил выше, скандинавские боги ведут себя хуже, чем пьяные вдупель грузчики. Их уровень запросов тот же: ужраться вусмерть и постараться поиметь жену соседа. Шуточки Локи могут рассмешить только полного дебила, но скандинавские боги от них в восторге.

Богатый пантеон индуизма и китайской мифологии тоже озабочен борьбой за власть, за возможность поиметь чужую жену, а в идеале – всех баб в округе.

Всякие мифологии майя, ацтеков, австралоидов и прочих экзотов даже рассматривать неловко. Их культура такого же уровня, как и плесень в пробирке, что тоже – культура.

Еще одна крамольная вещь, хотя когда это я говорил некрамольные: сейчас абсолютное засилье в литературе и кино именно языческих богов вызвано все теми же обстоятельствами, что и общее снижение интеллектуального уровня общества. Литература ориентируется на среднего человека, а средний – это все ниже и ниже, это закон. Языческих богов легко понять, отобразить, им можно сочувствовать или негодовать, они могут быть плохими и хорошими, в чем-то люди могут с легкостью чувствовать свое превосходство над богами, и даже время от времени их герои побивают этих богов в кино и книгах.

Потому простенькие люди тысячи лет создавали простеньких богов, пусть даже наделенных мощью Зевса или мышцами Тора. До осознания Единого и Незримого нужно было еще взрослеть и взрослеть. Вот и наши писатели – я имею в виду вообще писателей, а не только российских – все еще на том уровне развития... ну вы поняли меня, гада подколодного.

Так что я, как старейший из российских писателей, кто еще работает активно, уже дорос до попыток говорить о более сложном для понимания простого человека образе. И простого писателя. Ну да, я хоть и гад, но все равно в белом и весь из себя.

Поясняю на пальцах: в детстве и начальной молодости все мы – язычники. Вне зависимости от цвета кожи, языка и места обитания на планете. А потом все, подобно князю Вла-

димиру, уже сознательно выбираем себе веру. Все, я имею в виду тех, кто продолжает взрослеть. Основная масса людей даже не оуклиивается, всю жизнь счательно и бездумно пердвигается по зеленым листьям, жрет от пуза, сидит перед жвачником, болеет за любимую команду и читает в Инете сплетни о звездах шоу-бизнеса.

Но даже те, кто сумел дожить до момента превращения в имаго, выбирают разные пути. Большинство и там ищут то, что легче. Так и Владимир, хоть выбрал более высокую веру, чем язычество, но и в ней отыскал ту ветвь, где меньше всего к себе требований.

Так что все мы – евреи. Хочется это кому-то очень или не хочется вовсе (в том числе и самим евреям, среди них говна ой-ой-ой), но это так. И вовсе не потому, что по Библии – все люди от Адама, это оставим людям глубоко религиозным, но, как бы ни изворачивались даже самые нерелигиозные, ни говорили о древней культуре Индии или Китая, о загадочной восточной философии, скажем честно: вся наша культура, вся цивилизация, вся мораль и все мировоззрение идет от тех первых слов: «В Начале было Слово...», от первой заповеди Адама, четырех заповедей Ноя, плюс десяти заповедей Моисея, плюс добавочных заповедей Иисуса и упорядоченных правил жизни от отцов Церкви, что окончательно выстроили фундамент нового общества.

Так что когда кто-то говорит о прекрасности эллинских мифов, скандинавского эпоса или славянской мифологии,

тот либо не в курсе, либо еще не вышел из детски-драчливого возраста, когда гораздо важнее, у кого мускулы толще.

Признаюсь, когда «Боинги» протаранили две башни в Забугорье, я ощутил всплеск кровожадной радости: так им, гадам, и надо! Но это первый импульс, затем же всплыло трезвое: но ведь это удар и по нам, по России, ибо та часть суши, где рухнули эти башни, и те человечки, которых засыпало обломками, – тоже Россия.

Пусть даже в том, что русские переселенцы туда ехали миллионами еще при царе, едут и сейчас, уже меньше, но зато – самые квалифицированные. Как и из Германии, Франции, Нидерландов... Так что США сейчас – это и Германия, и Франция, и Швеция, и все наиболее продвинутое в нашем христианском мире. Если принять эту реальность, то снимается противоречие, что, дескать, мы здесь замечательные в любом случае, потому что мы, а они там все гады, потому что они – не мы. Увы, там тоже мы. Просто на том клочке России, который зовется иначе, в данный момент больше возможностей совершенствоваться, чем здесь. Не все пользуются, но это другой вопрос. Потому ту часть нашего мира нужно беречь так же, как эту, на которой живем.

То же и с выбором исходной точки для сотворения мира. Когда в качестве эталона нашествия – балалайка, ряженные и дурацкие частушки, зачастую – похабные, то как-то неловко с такими нашими. Да и чтобы ходить на эти концерты, нужен дресс-код: тужурка, кирзовые сапоги с налипшим на подош-

вы говном, самокрутка, умение время от времени хлопать себя по коленям и выкрикивать «ядрена вошь!». Потихоньку отступаю к тем нашим, где «Пиковая Дама» и «Лебединое озеро», а там в одном ряду «Аида», «Жизель», «Отелло», тоже – наши.

Хотим или не хотим, но мы все – продукт книги, что начинается словами «В Начале было Слово...». Те мифы, где Вселенная возникала из чудовищного кровосмешения, а боги только и делали, что интриговали, воевали, подличали, совокуплялись, – остались пустышками, а эта дала всю современную культуру, науку, литературу, живопись, скульптуру, архитектуру. Вообще подарила миру научный метод познания, и вся современная наука началась в монастырях, где на одном столе лежали рядом Библия и дневник, куда заносились результаты опытов с горохом или наблюдений за звездами.

Все это швырнуло христианский мир вперед по пути прогресса, в то время как древние и мудрые, ах как мудрые!.. цивилизации Востока остались там, где и были все века и тысячелетия, и даже сейчас пользуются достижениями науки христианского мира.

Этот ноутбук, на котором стучу эти строки, этот Интернет, по которому сейчас все написанное одним кликом «сброшу» в издательство, – продукт книги, которая начиналась словами «В Начале было Слово...».

Часть 1

АДАМ И ЕВА, ЖИЗНЬ В РАЮ

Глава 1

Для осуществления своего замысла Он ужаслся, оставаясь неизменным и стараясь создать в Себе место, где Его присутствия было бы мало. Это оказалось очень непросто, потому что все стремилось вернуться в первоначальное состояние. Он ужаслся еще и еще, создавая в Себе место «без Себя», но получилось лишь, где Его присутствие там чуть меньше, чем везде.

Он продолжал ужиматься еще и еще, наконец создал то, что назвал миром Ацилут. В нем уже чувствовалось Его малое присутствие, и Он, не останавливаясь, укрыл этот мир плотными оболочками, защищая от Себя. Осталась самая сложная часть работы, и Он сразу же сделал еще несколько жестоких ужатий уже в самом Ацилуте, и появилось то самое желанное простое и примитивное, ниже которого уже нельзя ступить: грубый материальный мир!

Конечно, даже в этом мире из натурального вещества, Он назвал его Асией, осталось Его присутствие, но такой незначительной частью можно пренебречь, в остальном этот мир

как бы сам по себе...

Дальше было самое трудное: сжатый до предела мир Азии особенно мощно стремится вернуться в первоначальное состояние и снова раствориться в Нем. Пришлось установить мощнейшие клипоты, задача которых удерживать материальный мир в новосозданном состоянии. Эти оболочки экранируют Азию и заслоняют от Него, им требуются огромные силы для сжатия, и Он то и дело проверял и усиливал их, спасая материальный мир от разрушения и растворения сперва в духовном мире Ацилута, а потом все образование – в Нем. Наконец ощутил, что эта странная структура достаточно устойчива для выполнения Его задачи и продержится нужный срок. Должна продержаться.

Остальное было проще некуда: создал пространство, время, материю, указал, как взаимодействовать и по каким законам, прошел в намеченную точку и сказал:

– Да будет Свет!

Мир Азии озарился дивным огнем, однако Он тут же убрал его всюду, оставив только на этом клочке материального мира. Отныне свет, сказал Он себе, будет всегда в начале всего: свет духа, свет понимания, свет Цели. Да, Его сподвигла на это вот творение важная Цель, а не причина, и что отныне существование и развитие не в том, что какие-то причины будут подталкивать Его действия, а то и руководить ими, а только Цель, тянущая все-все за собой.

– Да будет свет всегда, – повторил Он, – и да будет он

вначале...

И Он торопливо создавал, творил, стараясь не упустить этот дивный момент взлета и вдохновения, когда решения приходят сразу готовые, чистые, правильные, а не вымучиваешь в долгих раздумьях.

Его мысли, страстные и огненные, быстро обретали зримые очертания и носились над новосозданным миром, взмывали ввысь, проскакивали сквозь горы и опускались в бездны, а Он с интересом смотрел на них, удивляясь, как в этом мире, где Его воли так мало, даже Его мысли становятся зримыми, хоть и невещественными.

Они носились, сшибались друг с другом, одни вырастали, могучие и властные, другие уमाлялись, малые и робкие, и вскоре Он с интересом заметил, что у всех есть отличия, их можно даже разделить на старших и младших... даже старших, средних и младших. И если младшие просто обычные, серые, то старших в их мощи можно назвать сверх— или архимыслями, сверхобразами, ибо каждая из них является носителем какой-то сильной идеи.

— Ангелы и архангелы, — произнес Он с интересом. — Да будет так.

Он творил мир быстро, широкими мазками, не вдаваясь в мелочи, а сразу указав, как чему быть, чтобы все работало во взаимосвязи и не требовало его внимания.

Последним актом создал то, что назвал жизнью, самое сложное и многообещающее, проверил и сказал «хорошо»,

все работает, все получается, можно приступить к самому сложному и рискованному...

Мысли клубились, сшибались, метались, как вспугнутые мухи, зачем Он их только выпустил, какой-то болезненный интерес, вообще какой-то сумбур, слишком многие вопят, что Он не так поступает с этим миром, что все неправильно, все не так...

– Тихо! – гаркнул Он. – А как?.. Что вы все... Ну так идите и посмотрите на этот мир! И укажите Мне, тупому и неразумному, как надо! Как правильно! Идите на землю, вы даже не поняли, что Я задумал и чего жду!

Огненные мысли-ангелы вылетели, как стрелы, задрожали жаркими огоньками на расстоянии и моментально исчезли, для них нет расстояний, как нет и препятствий. Он удивился, не думал, что их так много, но одновременно ощутил некоторое облегчение. Да что там некоторое, сразу стало легче, понятнее, вернулась уверенность в своей правоте.

Посмотрите на этот удивительный мир. А потом и беритесь подсказывать...

Он некоторое время напряженно размышлял о великой Цели и способах ее достижения, все очень непросто даже для Него, такой сверхзадачи Он никогда еще не ставил...

И не заметил, как ангелы начали возвращаться, снова носились вокруг и мешали идеями, советами, планами, предположениями и вариантами развития этого странного и удивительного мира.

Он отмахивался, напряженно размышляя над завершающим актом творения, а мир стремительно и очень пластично менялся, перетекал из формы в форму, подстраиваясь под то, что Он хотел увидеть.

Ангелы мелькали, как огненные мухи, жужжали и докучали, некоторые вырастали до размеров пламенных гор, их голос становился слышен даже в материальном плане.

– Ты сотворил прекрасный мир, – произнес ангел, которого он назвал бы голосом милосердия, – так заверши же то, что Ты задумал! Создай человека, он будет творить милосердие в нем.

– Что? – вскричал постоянно соперничающий с ним ангел правды. – Да он все загадит ложью, преступлениями и разрушениями! Животное, наделенное душой, хуже, чем просто животное!

– Все-таки сотвори, – настаивал ангел справедливости, – он еще больше украсит созданный Тобой мир добрыми делами.

– Недобрыми, – возразил ангел мира и доброты, – он наполнит этот мир враждой и завистью!

Он выслушал всех, покачал головой и сам только сейчас отметил, что у Него появилось почти материальное тело, а в нем голова, то есть Он в задумчивости о Главном уже принял облик одного из собственных творений в этом материальном мире.

– Вы все правы, – ответил Он и прислушался с интере-

сом, как звучит Его голос в этом мире, как мысли передаются здесь звуками, запахами, жестами и еще множеством способов. – Но Я добр, как это будет называться здесь, терпелив и даже долготерпелив. Человек будет полон недостатков, этого не избежать, но все же его создам.

– Зачем? – спросил один из блистающих ангелов. – А если он отвергнет Тебя?

– У Меня есть надежда, – ответил Он.

– Не мало ли для Всемогущего жить одной надеждой?

– В этом случае, – ответил Он, – не мало. Итак, давай записывай: «Сотворим человека...»

Ангел прервал:

– Прости, Господи, но творишь Ты один. Ты властелин всего, зачем даешь возможность впасть в ошибку и полагать, что человека создавал не Ты один, а несколько богов?

Он небрежно отмахнулся.

– Пиши, как я сказал. Кто захочет истолковать иначе, тот и самую ясную форму сумеет исказить, перевернуть, найти другой смысл. А во множественном числе потому... да, потому что это тоже урок. Важные люди будут считать лишним советоваться с нижестоящими. Пусть увидят, что сам Всевышний, создавший все миры, и то совещался с ангелами, прежде чем сотворить даже такую малость, как человек.

Ангел, которого Творец уже назвал для себя Люцифером за его неистовый блеск и желание быть самым ярким, вслушивался в слова и мысли Творца, которые тот раскрывал пе-

ред ними, с жадным любопытством, что понравилось Создателю.

– Это и будет венцом? – переспросил он. – Но хорошо ли?

– Хорошо, – ответил Творец. – Думаю, что будет хорошо.

– Но это неправильно, – возразил Люцифер.

Другие ангелы молчали, но Творец видел, что все на стороне Люцифера. Бурное неприятие вызвала сама идея наделять последнее существо, которое готовился создать Творец, свободой воли.

Люцифер сказал настойчиво:

– Ты – Творец, все в Твоей воле. Ты поступаешь всегда правильно. Потому это будет не только очень опасное свойство, но и вообще лишнее и безрассудное! Если Ты говоришь: Я хочу, чтобы ты делал вот это, а человек вправе решать – делать или нет, то это не просто нехорошо, это... это преступно!

Один из ангелов пробормотал:

– Как можно колебаться и раздумывать: выполнять или нет приказание самого Творца?

Он слушал их невнимательно, хотя все же слушал. Все они, конечно же, правы. Когда Он творил небо и землю, солнце и звезды, даже рыб, слонов и коров – никто не сказал ни слова. Но все начали бурно протестовать, когда речь зашла о последнем завершающем штрихе, создании человека.

Это существо по Его задумке должно обладать тем, что отличает от всех животных, – свободой воли. Ангелам понять

такое трудно, они сами не обладают такой свободой. И потому их попросту ужасает, что кто-то может не подчиниться Творцу, думать и поступать не так, как тот задумал.

Мысли выглядели дикими и пресными в сравнении с тем взлетом, что Он испытывал при акте творения Вселенной, Он отмахивался, это же понятно, что недостает именно завершающего акта, ради которого все и делалось, но... Он сам ощутил страх, что задуманное может не получиться, ибо слишком невесома грань, по которой надо пройти...

– Что нужно еще? – спрашивал Он себя, стараясь не выпустить ту сверхценную мысль, что возникла, дразнит и вот-вот исчезнет. – Так... реальная плоть этого мира...

Моментально перед ним собрался из множества пылинок плотный ком, травинки прогнулись под ним, насекомые прыгнули в стороны.

– Да будет... человек!

Ком превратился в фигуру животного, подобных Он творил великое множество, затем поднялся и побрел в заросли сада. Двигался он на четвереньках, как и все животные, но Творец строго взглянул ему вслед, человек поднялся на задние лапы, пошатнулся, но дальше пошел уже на задних конечностях.

– Да будет его имя... – проговорил Он задумчиво. Ликующая мысль еще плясала и ликовала, что все получилось, это Его высший миг взлета, как все удачно, но другая мысль тревожно кричала, что радоваться еще рано, слишком дерзкая

идея подвигла на такое и невероятная задумка может провалиться. – Нет, пусть сам себя назовет. И да опустится на его плечи вся тяжесть Великой Задачи, и да пройдет он в одиночку к Великой Цели...

Один из ангелов спросил удивленно:

– Только один человек? В то время как других существ ты творил тысячами и миллионами? Господь, только повели, мы наготовим целую гору глины! И лепить будем, уже понятно, как надо.

Он покачал головой.

– Одного довольно.

– Да это нетрудно, – сказал ангел убеждающе. – Мы можем сделать еще хоть сотню!

Он кивнул.

– Да, когда уже сделано, всяк видит, что это легко. Я же говорю, делать легко, трудно придумать... Нет, пусть останется один. Это да послужит указанием, что всякий, кто губит хотя бы одного человека, разрушает целый мир. А кто спасает одного, спасает целый мир. Не может один человек возгордиться перед другим человеком, говоря: мой род знатнее твоего рода! Каждому человеку следует помнить, что для него и под его ответственность сотворен мир.

Ангел сказал с почтительным ужасом:

– Как Ты заглядываешь далеко!

Ангел, самый блистающий из всех, опустился с Творцом рядом, он постоянно менял форму, замороженный возмож-

ностями этого странного материального мира, не в состоянии выбрать лучшее, уменьшался и увеличивался, превращаясь из огненного шара в деревья, животных и даже насекомых.

Творец посматривал с улыбкой, ангелы в замешательстве, перебирают все варианты, это и есть лучшая похвала Его задумке, хотя никто из них не знает всей ее глубины.

– Неисповедимы пути Твои, Творец, – сказал ангел с жаром, это он тоже взял из материального мира, и хотя говорил с Творцом, привычно сливаясь с Ним, но теперь одновременно звучали голоса и этого мира, – и да будет на все воля Твоя!

– Осваиваешься?

– Да, этот мир изумительный!

– Да, этот получился.

Ангел спросил быстро:

– Были и другие?

Он отстранился, приняв облик могучего быка из чистого золота. На миг выросли крылья, огромные, похожие на стрекозы, потом поменял на птичьи, тоже из золота, сверкающие и сияющие неземным блеском, и сложил на спине, успев полюбоваться их совершенством.

Творец не стал поправлять, что если уж крылья такому существу, то лучше взять за пример летучую мышь или дракона, вон один пролетел в небе, но смолчал, Он и раньше редко поправлял свои неточные мысли, предпочитая создавать

новые, более совершенные и точные.

– Были, – ответил Он без охоты. – Шедевры так просто не создаются... Шедевр всегда лишь верхний камень на вершине пирамиды, погребенной в песке...

Ангел помолчал, трудно представить, сколько миров Творец создал и разрушил, пока не сказал:

– Хорошо! – затем заметил осторожно: – Мир великолепен, мы все в восторге, только я заметил, что Ты над созданием этого... гм... человека потрудился почти столько, сколько над созданием всех живых существ в этом мире, вместе взятых!

– Верно заметил, – сказал Творец одобрительно.

– Это не случайно? Или Ты устал?

– И устал, – признался Творец. – Но Я успел создать его до того, как вдохновение иссякло.

– Но это... получилось?

– Это, – ответил Творец, – получилось.

– Таким, – настаивал Люцифер, – каким задумано?

– Да, – подтвердил Творец, – именно таким. Ну, почти таким.

Огненный бык неспешно перетек в форму человека, только все так же сверкающего золотом и с крыльями, затем Творец с усмешкой заметил, как ангел к двум понравившимся крыльям добавил еще пару, сверкающих золотом и отражающих свет.

– Чтобы нам лучше понимать замыслы Твои, – произнес

он почтительно, – скажи, каким Ты его задумал и что от него ждешь?

– Я его создал, – ответил Творец медленно и задумчиво, – по Своему образу и подобию.

Ангел с сомнением взглянул на Творца.

– По образу и подобию?

– Да.

– Господи, прости, но Ты... разве таков? Даже мы, Твои мысли, не знаем, каков Ты!

– Я не таков, – отрубил Творец нетерпеливо, – но он будет таков. По Своему образу и подобию, это иносказательно, если тебе понятно такое слово. Но этот... человек, да зовется он отныне так, такой же, как и Я... там, глубоко внутри!

Ангел посмотрел в сторону сада. Деревья стали прозрачными под его взором, он увидел, как и Творец, который всегда и все видит, как человек бродит между деревьями и срывает с них ягоды. Спелые отправляет в рот, незрелые выбрасывает. Через некоторое время незрелые перестал срывать вовсе, а из зрелых выбирал самые крупные и сочные.

– Он такой, – переспросил ангел с сомнением, – как и Ты?

– Еще нет, – ответил Творец, – но будет...

Глава 2

Он лежал на земле неподвижный, не выпуская из ладоней собранных ягод, и чувствовал, как в нем бушует ураган из нахлынувших странных видений. Их были мириады мириад, он разом все видел, все понимал, душа трепетала и вопила в ужасе, что не вместит все, а потом зрение разом очистилось, и он увидел потрясшую его картину возделанных полей, виноградников с крупными гроздьями, за всем ухаживает множество людей, красивых и мудрых, величественных и гордых, неведомый громкий Голос начал называть имена появлявшихся перед его взором людей, объясняя, что это все его потомки, всем им суждено сыграть свою роль...

Сердце его дрогнуло, когда увидел смеющегося счастливого младенца, которому, как сказал Голос, суждено прожить всего три дня и умереть. Он напряг все свои силы и спросил беззвучно, как зовут этого ребенка. «Давид, – ответил Голос, – он мог бы стать царем большого и сильного государства...»

Он взмолился всем своим существом:

– А не могу ли я отдать ему часть своей жизни?

После паузы донесся огромный и величественный Голос, заполнивший собой Вселенную и уходящий далеко за ее пределы:

– Сейчас нет.

– Почему? – спросил он жалко.

– Потому, – ответил могучий Голос, и снова ощутилось, что с ним говорит Вселенная на всех языках, доступных скалам, ветру, водам, деревьям и всему живому, – что ты вечен. Бессмертен.

– Господи, ну сделай так, чтобы я мог поделиться с ним своей жизнью!

Голос ответил уже тише, в нем почудилось горечь:

– Боюсь, что у тебя такая возможность будет.

Когда голова начала кружиться от множества лиц, имен и судеб, он взмолился снова:

– Но зачем мне все это явлено? Все внутри у меня теперь трепещет!

– Это хорошо, – ответил могучий Голос. – Потому что от тебя зависит, что с ними будет. Как бы ты ни поступал, ты будешь менять жизнь всех бесчисленных поколений! Помни об этом и поступай достойно. Живи правильно.

– Что значит... живи?

– Сейчас узнаешь.

Ангелы видели, как Творец нагнулся и слегка дунул в ноздри лежащей на земле глиняной кукле. Существо вздрогнуло, зашевелилось, очень медленно подняло набрякшие толстые веки. Глаза взглянули с недоумением. Ангелы переглянулись, сразу поняв, что это существо, названное Творцом человеком, уже забыло, что и зачем ему показано и явлено.

Человек вздрогнул, ягоды выпали из его ладоней, он растерянно огляделся по сторонам. Вид у него был самый ошарашенный, словно внезапно перенесли из ночи на яркий свет дня да еще из пустыни – в дивный сад.

– Что Ты с ним сделал? – спросил Люцифер шепотом.

– Одушевил, – ответил Творец тихо.

Люцифер протянул с напускным смирением:

– А-а-а, ну, если так... хотя ничего не понял... Куда нам, простым мыслям, нам не дано понимать Тебя... всего.

– Всего Себя даже Я не понимаю, – отрубил Творец. – Вас – всех, ибо вы – Мои мысли, Мои чувства, понимаю, как и весь этот мир! Он создан Мною, по Моему плану, по Моим чувствам и мыслям. Понимаю всякую тварь... Вернее, понимал всякую...

Люцифер насторожился:

– Всевышний... Твои слова странные тревожат меня. Значит ли это, что Ты с сегодняшнего дня чего-то недопонимаешь?

– Да.

Люцифер отшатнулся.

– Кого?

Творец указал на человека. Тот с лицом тупого животного сидел на глине, из которой был создан, ковырялся в носу с таким глубокомысленным видом, словно тоже творил мир. Роба сладострастно перекашивалась, палец вытаскивал медленно и бережливо, зеленую каплю рассматривал с непере-

даваемым восторгом.

Рябь пробежала по сверкающему телу Люцифера. Он на какое-то время растекся в приземистое животное, чем-то похожее на черепаху, разве что крылья сохранил, даже потускнел и пошел неопрятной чешуей, а восстановился снова в облике могучего и красивого быка с двумя парами крыльев.

– Всевышний, – проговорил он смятенно, – Твои слова странные...

– Я вдохнул в него душу, – прервал Творец.

– Что?

– Душу, – повторил Творец. – Так Я назвал этот акт.

Люцифер посмотрел по сторонам, оглянулся за спину, снова обратил вопрошающий взор на Творца.

– А что это?

– Часть Себя, – объяснил Творец. – да, Я никогда этого не делал, но... для великой Цели нужны и непростые решения.

– Ты что-то задумал еще?

– Я это «еще» уже начал, – ответил Творец. – Отныне поступки человека непредсказуемы и неясны. Для всех, даже для Меня! Я берусь помогать ему идти по жизни, но он волен поступать по своим прихотям, а Я не волен заглянуть к нему вовнутрь. Я волен его уничтожить, но не волен заставить жить так, как правильным считаю Я.

Люцифер взглянул на Творца с величайшим изумлением.

– Да, это Ты говорил... Но, Господи... зачем Тебе это надо?

– Я же сказал, – ответил Творец, – для великой Цели нужны и нетривиальные решения... Если удастся пройти по тонкой нити, не свалившись в бездну... вернее, провести это существо, то это решит... очень многое решит.

– Мы тоже Твои создания, – напомнил Люцифер.

– Но Я создал вас, когда был моложе. Во второй день творения.

Люцифер вскинул брови:

– Разве для Творца бывает возраст?

– Ну, пусть не моложе, а... силы во Мне было больше, чем мудрости. Силы и сейчас не убавилось, но пришли колебания, сомнения, пришло знание, а с ним и разочарования. Нет, Я не то что разочарован в вас, ангелах... совсем нет, однако пробую и другие пути. Пусть они выглядят нелепыми, как создание человека из праха этого мира...

– Да уж, – сказал Люцифер, – куда больше...

Творец сдержанно улыбнулся.

– Это хорошо, – произнес Он, – только очень нелепые решения, нелепые на первый взгляд... да и на второй, могут привести к Цели.

– Почему так?

– Все лепые перепробованы.

Люцифер унесся смотреть мир, а Он некоторое время размышлял. Когда-то, вспомнил, это будет называться «собраться с мыслями». И сейчас, по мысленному усилию, к нему слетелись мириады мириад огненных ангелов, крупных

и мелких, тихих и громогласных, покорных и назойливых, послушных и тех, кто стремился перечить и указывать на Его ошибки.

Врываясь в материальный мир, все становились зрими-ми, большинство остались бессловесными и безгласными исполнителями, но некоторые, самые противоречивые, вместе с вещественным обликом, пусть и нематериальным, обрета-ли еще большую несговорчивость и упрямство.

Он оглядел разом всех, снова удивился, что за мир Он создал, сказал громко:

– Вы все видели, что Я создал... Нет-нет, хватит похвал, Я сам знаю, какой Я замечательный. Я созвал вас для того, чтобы указать на завершающий штрих в создании мира. Че-ловек – самое лучшее, что Я создал! Он и будет венцом тво-рения и властелином всего созданного Мной материального мира, который простирается, как вы знаете, далеко за преде-лы этой тверди, именуемой землей.

Он ощутил, как ошарашило это ангелов, уже успевших осмотреть мир, побывавших в глубинах горных пород, рек, океанов и даже внутри живых существ, таких удивительных и сложных для причудливого материального мира.

Многие переглядывались, переняв эту привычку у живых существ, кое-кто поспешно принимал форму человека, стре-мясь угодить Творцу, раз уж Он считает это существо самым прекрасным, но все молчали, слишком ошеломленные, и то-гда заговорил Люцифер:

– Всевышний, позволь слово молвить...

Творец отмахнулся:

– А когда Я запрещал? Или земной мир подействовал?..

Люцифер признался:

– Да, здесь иерархия в стаях, молодой волк всегда ждет позволения старшего... безумно интересный мир! Мы все ошеломлены Твоим размахом и умением... однако...

– Что?

Люцифер воскликнул громко:

– Этот мир слишком прекрасен!

Множество голосов поддержало Люцифера, все больше ангелов принимало человеческую форму, хотя многие предпочитали гигантские размеры, только часть остались по старинке незримыми.

– Спасибо, – ответил Творец. – Рад, что это заметно.

– Однако, – продолжал Люцифер, – я еще понял бы, если бы Ты отдал его нам, ангелам, чистым, прекрасным и беспорочным. Но... человеку?

Ангелы снова зашумели, это было похоже на шум прибоя, потому что ангелов собралось побольше, чем волн во всех морях. Он покачал головой, все утихло, а Он сказал ясным и строгим голосом:

– Этот мир создан не ради прихоти или любования красотою. Этот райский сад – не сад, а мастерская! Здесь попробую выковать нечто новое и очень нужное. Очень!.. И человек здесь – то зерно, которым я хочу... впрочем, это слиш-

ком сложно, чтоб понять... И слишком далеко, чтобы заглядывать даже Мне в самый конец... Я лишь знаю, каким должен быть результат, и к нему буду стремиться. Чтобы все упорядочить и двигаться дальше, нужно... что нужно?.. Ах да, вы сейчас признаете его хозяином этого мира... владыкой всех гор, лесов, рек и живых существ... а потом продуваем, что делать дальше...

Человек, о котором говорил Творец, находился от них далеко, но для ангелов расстояний не существуют, как и материальных преград, они рассматривали странное существо кто с любопытством, кто доброжелательно, кто с недоверием, а кто и с затаенным недовольством. От него издали веяло сыростью и непрочностью этого мира. Двухногий, даже держится на задних конечностях совсем не так устойчиво, как большинство животных, двигается, будто вот-вот упадет, оглядывается по сторонам глупо и растерянно.

Высокий крупный ангел, который, глядя на прекрасных птиц, созданных Творцом, принял облик человека с множеством красивых крыльев за спиной, во мгновение ока перенесся к Адаму и, встав перед ним, с достоинством поклонился.

– Приветствую тебя, владыка земной тверди! – проговорил он звучным сильным голосом, какой слышал у самого человека, только громче и с множеством оттенков. – Царь зверей и птиц, царь земной природы!

Второй ангел, такой же крупный и величественный и тоже

с таким же количеством крыльев, перенесся и встал рядом с первым.

– Приветствую тебя, – сказал он торжественно, – властелин всего материального мира!

Да будет имя первого Михаил, сказал Творец мысленно, а второго – Уриил. Мне всех стоит назвать их по именам, все-таки они разные. А назвать человеку придется всех существ на земле, такая демонстрация мощи необходима... даже самому человеку.

От этой мысли ему стало весело. Он дал имена всем мириадам мириад ангелов раньше, чем третий встал перед Адамом и принес ему формулу покорности и признания его царем и властелином этого мира. По мысленному приказу они все разом, чтобы не затягивать, поклонились человеку, признавая именно его хозяином этого мира, только Люцифер остался в задумчивости, скрестив на груди красиво вылепленные из огня и света мускулистые руки и еще обхватив себя гигантскими крыльями.

– Что случилось? – спросил Творец настороженно.

Люцифер медленно улыбнулся, сам наслаждаясь движениями своих лицевых мускулов, своих губ, даже блеснул красиво расположенными зубами из белого пламени.

– Ты ведь знаешь... Ну как я могу ему поклониться?

– Что тебе мешает?

– Ты.

– Поясни, – потребовал Творец.

Люцифер снова улыбнулся, Творцу все ясно, но хочет услышать это облеченное в слова, чтобы точнее реагировать, точнее взвесить доводы «за» и «против», и он ответил спокойно и веско:

– Я понимаю Твою влюбленность в свою работу. Но не уходи от реальности! Я, как и остальные, из огненной породы, если говорить категориями этого мира. А он из простой глины. Как я могу ему поклониться и назвать властелином? Это нарушит Тобой же установленный порядок вещей.

Гробовое молчание повисло, тяжелое, как преступление. Творец заговорил раздраженно:

– Никакой порядок не может оставаться неизменным. Когда можно улучшить, надо улучшать. Даже если придется изменить какие-то законы мироздания.

Люцифер развел крыльями, голос его прозвучал спокойно и мудро, потому что это был голос самого Творца:

– Разве это улучшение?

– Да, – бросил Творец резко. – Не в мощи дело... Я в этом творении создал нечто, нечто... пока не могу выразить словами, но Я вкладываю много надежд в это творение.

Люцифер вперил огненный взор в слабое создание, и голос огненного ангела был холодным, как космос:

– Да, ему потребуется много надежд. Пока что ничего другого я не зрю. Но кланяться я ему не стану.

Творец вскипел:

– Это Я велю!

Люцифер выпрямился:

– Ты мне дал еще и достоинство. Или я сам получил его в этом мире? Да, верно, сам. Ты ведь сделал так, что Тебя в этом мире ничтожно мало, и теперь здесь все может совершаться без Твоей прямой воли! Я чувствую, что могу Тебе перечить, потому что не считаю Тебя правым. Ты создал меня лучшим, чем это существо!.. Но я не требую, чтобы он мне кланялся. Сильному лесть не нужна. Если этот человек, как Ты его называешь, чего-то стоит, пусть он это сперва докажет. А червяку меня кланяться не заставишь!

Творец кивнул, сам наслаждаясь тем, что сумел создать мир, где даже Его мысли овеществились и противоречат Ему так явно. Правда, противоречивые мысли возникали и раньше, они возникают всегда, но в этом мире это особенно зримо и ярко.

– Вам нужны доказательства, – проговорил Он, – так?

– Да, – ответил Люцифер твердо.

Остальные трусливо переглядывались, но было заметно, что Люцифера поддерживают практически все.

– Хорошо, – сказал Творец, – вон Я сотворил тварей всяких... много, правда?

– Истинно, Создатель!

– Дайте им имена, – велел Он, – а то надо же их как-то различать...

Ангелы зашумели, Он видел, как все тужатся, стараются, прилагают усилия, которых хватило бы, чтобы вскипятить

океан, однако новые слова никак не идут, не получаются, у каждого разум прямолинеен и бесхитростен, каждый ангел знает только о своих свойствах, да и то не обо всех...

– Человек, – позвал Творец, – подойди к нам.

Ангелы с неудовольствием и сдерживаемым презрением смотрели, как это существо, созданное из грязи, что не умеет даже летать, как никчемные, но красивые птицы, медленно приблизилось и вошло к ним в круг ослепительно-радостного света.

– Человек, – сказал Творец, – на земле обитают созданные Мною звери, птицы, рыбы и насекомые... Дай им всем названия, ибо мир нужно упорядочивать, а называть – это уже упорядочивание.

Все внимание ангелов было на человеке, многие даже зависли в воздухе прямо над его головой, хотя могли бы так же точно наблюдать за ним с другого конца света, однако в этом мире быстро приобретали и его привычки.

Творец с интересом смотрел на ангелов, на их растущую растерянность: созданный из глины человек тут же, озирая животных, быстро давал им всем имена, моментально сообщаясь с их внешним обликом, так что само имя «лев» означало «царь зверей», «верблюд» – «горбатый», а «кузнечик» – «стрекохующий в траве»...

Когда он закончил, Творец покосился на притихших ангелов, спросил у человека довольно:

– Прекрасно, а какое имя у тебя самого?

Тот переспросил с удивлением:

– Разве не Ты дашь мне имя?

– Назови себя сам, – разрешил Всевышний великодушно.

Ангелы оживились, ожидая, что существо из глины придумает себе самое великое и звучное имя, чтобы поскорее забылось его самое что ни на есть низменное происхождение, однако человек задумался ненадолго и сказал:

– Я буду зваться Адам, что значит – землянин. Я ведь из земли...

Ангелы примолкли, Творец сказал довольно:

– Прекрасное имя. Тебе и многим здесь кажется, что оно мало и уничижительно, на самом деле в нем великий и пока еще скрытый смысл. А Мое имя?

– Господь, – ответил Адам без раздумий, – так как Ты господин над всеми созданиями. Если позволишь, я так и буду к Тебе обращаться. А также Творец, Создатель, Всевышний...

– Хорошо.

Адам тут же добавил:

– Ты велел мне назвать всех животных по имени, хотя я так и не понял, зачем это. Много Ты натворил, я потрясен! Но для Тебя это, наверное, раз плюнуть. Только каких бы животных я ни рассматривал, ни одно мне как-то не приглянулось...

– В каком смысле?

– В пару, – объяснил Адам. – В смысле там самцы и самки. Господь, все звери пришли парами. Я даже знаю, что они вы-

полняют Твой завет насчет плодиться и размножаться. А как буду плодиться и размножаться я? Или мне это пока рано?

– Нет-нет, – ответил Творец, – как-то Я планировал для тебя иной вариант...

Адам удивился:

– Но если я самец, а я вроде он самый, то где самка? Всевышний, я не увидел среди всех созданных Тобой тварей подобной мне. Или я, как царь всех живущих, летающих и ползающих, могу брать себе для совокупления их всех?

Всевышний сказал поспешно:

– Нет-нет!.. Мы этим путем не пойдем. Ты получишь свою пару. А пока иди играйся. Нет, играйся – неправильно, иди играй!

Адам спросил заинтересованно:

– А что такое правильно, а что неправильно?

– Это то, – ответил Всевышний, – что отличает тебя от всех животных, птиц, рыб и насекомых.

– Что?

– У них нет разницы между «правильно» и «неправильно». У тебя – есть.

Адам вздохнул.

– Значит, мне жить труднее?

– Да, – ответил Всевышний уже нетерпеливо. – Царская ноша тяжела. Зато царь может сделать много...

– А...

– Иди! – прервал Всевышний строго.

В голосе прогремел гром. Адам видел, как задумался Творец, даже обратился в огненное облако, скрывшее Его лик.

– Пойду, – ответил Адам послушно.

Из огненного облака прозвучало:

– Я собирался вести тебя одного... однако, как теперь вижу, зов земли слишком силен. Ему противиться можно, но усилий на это потребуется столько, гм, что, возможно, проще поддаться искушению, чем бороться с ним ежеминутно... Ладно, иди! Я подумаю, как решить твою проблему. Скорее всего, Я создам для тебя подругу. Не сейчас. А теперь обойди хорошенько сад, рассмотри все. Там много для тебя интересного.

Ангелы зашумели сильнее, начали прикидывать вслух, какая же подруга будет у человека. У всех зверей они разные, олень, к примеру, носит ветвистые рога, а самка оленя всегда безрогая, у пауков самка в десять раз больше самца, петух красивее куриц...

Адам опустил голову и наконец, исчерпав все уловки остаться, пошел прочь. Люцифер кивнул ему вслед:

– Надоест он тебе вечными «почему».

Всевышний пробормотал:

– Это сейчас. Потом буду отучать его от Своего присутствия. Он должен действовать и принимать решения сам.

Ангелы толпились, шумели, стараясь предугадать ответ, посыпались предположения, часто совсем уж дикие. Творец слушал, иногда улыбался, иногда хмурился, наконец сердито

цыкнул:

– Тихо!.. Все не то. Несмотря на то что Адам сам попросил дать ему жену, он не будет рад ее созданию. Поняли?

Ангелы затихли, но Люцифер, самый умный, сказал пораженно:

– Та-ак... недовольство Адама было бы в сто раз больше, если бы Ты сотворил ее сразу, без предварительной просьбы?

Творец кивнул.

– Ну да. А так пусть на себя пеняет.

Глава 3

Адам, ошалелый и растерянный, забрел в сад подальше, там огляделся и сел на красивый удобный валун. Сердце колотится, он чувствовал себя совсем не так уверенно, как старался показать. Ангелы остались далеко за спиной, но не покидает ощущение их могущественного присутствия, не сравнимой ни с чем силы и мощи. Камень под ним тут же принял удобную ему форму, Адам перестал ерзать, устраивая задницу, сердце колотится, дыхание спирает в зобу.

– Не понимаю, – пробормотал он, – не понимаю... Зачем?

Негромкий голос произнес, как ему показалось, с сочувствием:

– Зачем что?

– Зачем я? – ответил Адам. – Зачем этот мир?.. В чем смысл бытия?

Он поднял голову, перед ним свет, будто щель в иной мир, ангел вровень с деревьями возвышается красивый и величественный, затем уменьшился до размеров человека, оставаясь все тем же блистающим белыми и оранжевыми огнями.

В голосе ангела прозвучало участие:

– Адам, тебе ли ломать голову над такими вопросами? Ты что, хочешь сразу превзойти самого Творца? Почему бы тебе не подумать, как лучше следовать Его плану, как лучше служить Ему, выполнять Его волю, Его желания, реализовать

Его высокие задумки?

Адам ответил потрясенно:

– Его задумки?

– Ну да. С какой-то целью Он тебя создал?

– Не знаю...

– Адам... не знаю, скажет ли тебе кто-то еще, но для тебя создан не только этот сад.

– А что еще?

В голосе ангела почудилось раздражение:

– Весь мир!

– А что это?

Ангел ответил еще более раздраженно:

– Даже я не знаю его пределов.

Адам сказал убитым голосом:

– Это слишком много. И... не чересчур ли велика ноша для моих плеч?

Ангел произнес сурово:

– Адам, запомни одно из первых правил, оно тебе поможет в жизни: Господь никогда и ни на кого не возлагает ношу больше, чем сможешь вынести.

– Да? А мне кажется, я под этой ношей рухну.

Ангел упрекнул так же сурово:

– Адам, не ропщи на Господа. Не становись похож на Люцифера, что начал вдруг перечить Господу на каждом шагу.

– Кто такой Люцифер? – спросил Адам заинтересованно.

– Самый близкий к Творцу, – ответил ангел сумрачно, ли-

цо его на миг скрыла тень. – Он дерзит, спорит, не соглашается. Не будь на него похож, это опасно и... просто нехорошо. Я уже сказал, что Всевышний создал весь мир только для тебя. Но ты создан с пустотой в душе в форме Творца, и ничто не способно заполнить ее, кроме самого Творца. Но он не сможет войти в душу человека без его позволения...

Адам вскрикнул потрясенно:

– Как? Всемогущий Творец и... не может?

– Он может все, – пояснил ангел, – и со всеми, кроме... тебя. Он создал тебя из земли и своего дыхания, в тебе есть Его частица, потому Он не волен с тобой поступать, как с животным, деревом или камнем. У тебя есть собственная воля, как и у самого Создателя, и ты волен как впустить Его в свою душу, так и волен не пускать.

Адам пробормотал озадаченно:

– Ну, я бы оказался последним дураком, если бы не захотел пустить Его к себе. Ведь с кем поведешься, от того и наберешься. Если Он хочет общаться со мной, то я тем более... Тебя как зовут? Или дать тебе имя?

Ангел покачал головой.

– Творец уже дал мне его. Меня зовут Михаил. Творец не случайно сотворил мир из двух начал: милосердия и справедливости. Когда увидишь этот мир полнее, то, возможно, тебе захочется попробовать что-то еще...

Адам спросил непонимающе:

– Что? Что есть еще?

Михаил ухмыльнулся:

– Ты все увидишь. Как мне кажется, Он изначально заложил какую-то ловушку. Он хочет, чтобы ты самостоятельно и добровольно избрал Его наставничество и руководство по жизни. Именно самостоятельно! Я сам не понимаю, зачем это надо. Мог бы изначально заложить в тебе некие основы, ну как есть они в гордом льве, прекрасном павлине или хитрой лисе... Однако неисповедимы пути Господа!

– Это да, – ответил Адам с сердцем. – Не люблю, когда меня что-то заставляют делать.

Михаил покачал головой, исчез. Адам хотел встать и пойти за ягодами, но опасался, что потеряет важные мысли, что клубятся в голове, их так много, не вмещаются, и он с ужасом понимал, что многие исчезают навсегда, лишая его полного понимания этого мира.

Он потряс головой, в ноздри лезут плотные запахи благовоний и ароматы кинамона, доносится благоухание цветов, вообще пахнет здесь все, и пахнет мощно.

Может быть, мелькнула мысль, потому и соображает плохо, что лезут эти запахи? Надо уйти подальше...

Кусты расступались при его приближении, даже деревья, как ему показалось, из почтения перед тем, кто и есть хозяин всего, отодвигались с его пути. Не сдвинулось только самое огромное дерево, он его сам назвал за величину и величие деревом жизни, кроной достигает облаков, а ветви распустило на добрую четверть сада.

Из-под его корней бьют два источника: один с молоком и медом, другой с вином и оливковым маслом. Деревья в большинстве своем красного цвета, оранжевого и желтого, над кронами постоянно носятся триста ангелов, освещающих сад своим сиянием и улаждающих душу пением.

Вообще-то пение ничего так, но сейчас оно больше раздражало, чем грело душу.

На большом плоском камне впереди разлегся крупный огненно-красный дракон. Размером чуть больше самого Адама, если не считать крыльев, он их небрежно спустил со спины, где обнажился золотой гребень дивной красоты, все шипы заостренные и чуточку загнуты в сторону хвоста, словно напор встречного ветра их так наклонил за годы полета...

Гранит исцарапан острыми алмазными когтями, слева край стесан, земля блестит в золотых чешуйках. Адам сам утром видел, как такой же дракон томно чесал бок о выступ, обдирая камень и срывая старую чешую, из-под которой уже свежо блестит молодая.

– Брысь с дороги, ящерица, – сказал Адам.

Дракон лениво приоткрыл один глаз, во взгляде непередаваемое презрение к такому невзрачному существу, и снова задремал. Адам поднял увесистую палку и с размаха трахнул дракона по голове. Палка переломилась, дракон открыл оба глаза, фыркнул, но поднялся во весь рост, четыре мощные лапы и красивые, ни на что не похожие крылья: как у огромной летучей мыши, но золотые и покрытые не то рыбьей, не

то змеиной чешуей.

– Брысь, – повторил Адам громче.

Дракон подпрыгнул, взмахнул крыльями и рванулся вверх почти вертикально. Адам смотрел вслед со злостью и завистью. Драконов почему-то не любил, хотя и понимал умом их красоту. Но слишком уж яркие, вызывающе красивые, пышные, постоянно собой любующиеся, а это обидно, что ли... Им, человеком, должны любоваться, твари поганые, а не собой. Ну и что, если они красивее, зато он – хозяин этого сада!

Он не заметил, как за ним увязался средних размеров зверь, приветливо махал хвостом, искательно заглядывал в лицо, иногда убегал далеко вперед, исчезал, но всякий раз возвращался и смотрел на Адама с вопросом в умных глазах.

– Что, – сказал Адам, – ты свое имя забыл? Тебя зовут пес. Ты собака, понял?... А теперь беги играй, в этом саду весело.

Пес убежал, Адам брел дальше, как вдруг сзади под колени ткнуло с такой силой, что он опрокинулся на спину. И тут же на него напрыгнул пес, быстро облизал лицо, Адам отпихивался, а когда поднялся, пес подобрал толстую палку, которой подшиб так умело, и сунул в руки.

Адам рассерженно выбросил ее, но пес с таким рвением бросился за палкой, словно от скорости зависит его жизнь. Адам не успел опомниться, как пес оказался перед ним и снова совал ему палку. Адам постарался забросить ее подальше, но пес отыскал и принес опять. В третий раз Адам швырнул в самые густые заросли, а сам пошел в другую сто-

рону.

Не прошло и минуты, как сзади послышались мягкий топот и хэканье. Пес неся за ним, глаза счастливые, в них любовь и преданность, а в пасти толстая палка.

– Ты меня замучаешь, – сказал Адам с досадой.

Пес настойчиво совал ему палку в руки. Адам вздохнул и бросил ее подальше в сторону. Что такое «замучаешь», он начал понимать после двадцатого или сорокового броска, когда уже рука в плече заныла, а осчастливленный вниманием пес все приносил палку и просил бросить еще куда-нибудь.

Ангелы наблюдали за ним издали, человек бродит по самому красивому и замечательному месту мироздания, но не понимает еще его красоты, играет с собакой, рвет на ходу ягоды, тупо глазеет по сторонам... Венец творения?

Люцифер сказал резко:

– На свете существует только то, что хочет наш Творец. Если человек будет иметь возможность делать не то, чего желает Творец... нет, я этого даже представить не могу! Это невозможно, так не должно быть!

– Человек разрушит этот прекрасный мир, – согласился с ним ангел по имени Азазель. – Нельзя, чтобы кто-то мог противиться Творцу!

Михаил произнес слабо:

– Ну, вот так и разрушит... Ведь человек, как сказал Всевышний, может творить и добро...

– Может! – воскликнул Люцифер. – А может и не творить.

Но зачем в мир, где все устроено по воле Творца, вводить существо, которое может испортить всю красоту, гармонию, слаженность?

Михаил возразил:

– Почему ты думаешь, что человек этой возможностью воспользуется?

– А ты так не думаешь?

– Нет.

– Потому что ты... – сказал Люцифер, помолчал и уточнил: – потому что ты – Михаил, верный и преданный, а не кто-то из ангелов поумнее. Я просто уверен, что человек обязательно воспользуется возможностью все испортить, изгадить... и вообще натворит такое, что мало никому не покажется.

Адам вздрогнул, прямо впереди на тропке вспыхнул свет, а из него вышел громадный человек в полтора его роста, ослепительно красивый, с сияющим лицом, глаза горят, как два солнца, весь в белой одежде, за спиной два огромных лебединых крыла.

Пес выронил палку и зарычал на ангела. Шерсть его встала дыбом. Ангел не повел на него и бровью, смотрел на Адама с безгловым интересом.

– Приветствую, человек, – произнес он таким красивым звучным голосом, что у Адама взволнованно забилось сердце, он сразу ощутил, что незнакомец неизмеримо выше его, он создан из огня и света, а вот он, да, из земного праха. –

И как тебе здесь?

Адам ответил поспешно:

– Да хорошо... Да очень хорошо! Я не заслужил такой красоты и такого счастья. И даже боюсь.

Незнакомец спросил с интересом:

– Боишься? Здесь нет опасных зверей. Даже львы и тигры питаются травой и мурлычут, как малые котята.

Адам помотал головой:

– Нет, боюсь другого.

– Чего?

– Кому много дадено, – ответил он, – с того много и спросится. А я ничего не знаю, ничего не умею.

Незнакомец весело и покровительственно рассмеялся:

– Мы тебе поможем! Я высший из ангелов, я сижу по правую руку Всевышнего. Я слышал твой разговор с Творцом. Значит, и ты не любишь, если что-то заставляют делать? Похвально!.. И дракона ты хорошо погнал. По-человечески. Даже еще лучше, по-мужски!

Адам смотрел на него исподлобья.

– Люцифер?

Ангел изумился:

– Откуда ты меня знаешь?

– Знаю, – ответил Адам кратко.

По виду ангела он догадался, что тот потрясен, даже голос изменился, когда снова спросил:

– Но как ты узнал?

– Это мой мир, – ответил Адам гордо, – и я должен знать всех обитающих в нем тварей. Так велел Творец.

Ангел спросил насмешливо:

– Но ты не очень любишь подчиняться, верно? И еще, я не обитаю в этом мире. В этом мире я просто принимаю вот такую форму... А ты обитаешь. Значит, это ты – тварь. Созданная из праха. Как и все остальные твари этого мира.

Пес зарычал громче, верхняя губа поднялась, обнажая белые клыки. Адам ощутил любовь к этому зверю, что так точно разделяет с ним симпатии, даже в чем-то опережая. А пес бросил на него короткий взгляд и, переведя мрачный взор на ангела, зарычал громче.

Ангел презрительно улыбался, земные твари не могут повредить бестелесному, Адам же рассматривал прекрасного ангела исподлбья и с нарастающей враждебностью. Бесподобен и великолепен, сравниваться с ним глупо, однако нечто шелохнулось в том, что Творец назвал душой, он стиснул кулаки и ответил со смирением:

– Да, я обитаю в этом мире. И все-таки я не тварь.

Люцифер величественно шелохнул огненными крыльями. Радуга пробежала по всему саду.

– А кто?

Адам перевел дыхание, ангел не нравится все больше, но и возражать ему глупо, тот слишком прекрасен и намного выше, неизмеримо выше, однако Адам ощутил потребность спорить, хотя это и глупо, и он проговорил:

– Вы были созданы в первый же день творения. Разве не так?

– Так, – ответил Люцифер с интересом. – Почти так. Адам насторожился.

– А в чем не так?

Люцифер отмахнулся.

– Считается, что мы были созданы в первый день, но на самом деле – на второй. Творец не хотел, чтобы Его кто-то отвлекал, лез под руку или советовал. Но это не важно. И что с того, когда Он нас создал?

Адам сказал уже увереннее, чувствуя, как под ногами появляется твердая почва:

– А то, что на создание меня Господь затратил целый день!.. Столько же, сколько на отделение света от тьмы, на создание самой тверди...

Ангел спросил туповато, как показалось Адаму:

– И что?

– Значит, – продолжал Адам, исполняясь уверенности, – я один, по сложности, стою целого мира!.. Просто ты видишь лишь внешнее, по нему судишь...

– А ты, – спросил Люцифер, – что видишь ты?

– Я тоже вижу мало, – ответил Адам откровенно. – Но если ты весь открыт, то во мне сложность затаенна. Даже от меня. Наверное, ее видит только сам Творец!

Люцифер спросил скептически:

– А она есть? Сложность?

– Если меня одного творили целый день, – парировал Адам, – после чего Господь прилег отдохнуть...

– Просто устал, – возразил Люцифер. – Господь тоже устает от всех нас. Или...

– Что?

– Или настолько разочаровался в тебе, что после этого вообще перестал творить!

В голосе огненного ангела звучала несокрушимая уверенность. Адам пожал плечами, ответить нечего, да и трудно спорить с ангелом, но спорить хочется, пусть даже нет аргументов.

– А вот нет! – ответил он с вызовом. – Он гордится мной! Люцифер пробормотал:

– Посмотрим, долго ли будет гордиться таким...

Он запнулся, Адам спросил зло:

– Кем?

– Ничтожеством, – ответил Люцифер, – если так уж хочешь точный ответ.

Он распахнул крылья во всей красе, взмахнул, и хотя даже Адаму понятно, ангелам крылья совсем не для полета, то ли украшение, то ли знаки различия между подобными себе, но ощутил себя подавленным мощью и величием высшего существа.

Пес перестал рычать, как только ангел исчез, Адам перевел дыхание, кулаки медленно разжались. Сердце еще колотилось часто и сильно, он погладил пса и сказал ласково:

– Молодец. У тебя чутье...

Глаза пса загорелись счастьем, он взвизгнул и, упав на спину, замахал лапами. Адам засмеялся, погладил его по животу и, медленно успокаиваясь, побежал к ручью.

Холодные струи омыли ступни, а мелкие рыбки шаловливо пощипывали за пальцы. Он остановился, продлевая приятное ощущение. На той стороне пышный куст склонил ветви, усеянные гроздьями крупных спелых ягод. Он машинально сорвал несколько, мягкие и разогретые на солнце, одна лопнула в пальцах и растеклась темно-красным соком.

Он слизнул, ягоды отправил в рот, все знакомо, на зубах хрустнули твердые комочки. Он выплюнул и вдруг ощутил, что этого раньше не делал. Но когда это раньше, если сотворен только что?

Пальцы привычно и ловко собирали ягоды, в ладонях уже с десятков, он отправлял их в рот горстью, любуясь своими ловкими движениями, умением собирать, вкус нежный и сладкий, и только когда снова выплюнул косточки, поразился новизне ощущения.

Я что, мелькнула мысль, так и жрал, не выплевывая? И тут же пришла другая мысль, объясняющая, почему кусту с ягодами нужно, чтобы он ел ягоды, почему ценные зерна защищены твердой скорлупой, а поверх твердости много сладкой плоти. Все выстроилось в длинную цепочку, он сам поразился ее длине, правильности и упорядоченности всех звеньев.

И вот он, человек, нарушил эту цепочку, сожрав ягоды и

тут же выплюнув косточки на сухую землю, тем самым лишив их возможности прорасти как далеко от куста, так и на более благоприятной почве. Куст рассчитывал, что он поступит, как поступал раньше и как поступают все животные в этом саду, а он поступил совсем иначе...

Задумчивый, он медленно двинулся по дивному саду, замечая уже, что дивный, что здесь ручьи и мягкая трава, и смутно чувствуя, что уже бывал здесь, но никак не мог припомнить, когда это было, потому что на самом деле не бывал, он точно это знает! Но почему-то странное чувство, что бывал...

Он вздрогнул, когда из-за высоких деревьев выдвинулись низкие кусты с обремененными крупными синими ягодами ветвями. Совсем недавно он бывал здесь, даже помнит вкус этих плодов: сладковато-терпкий, приятно вяжущий язык...

Он сорвал пару ягод, бросил в рот. Вкус сладковато-терпкий, приятно вяжущий...

Глава 4

В глубине сада высилась исполинская сверкающая колонна из огня и света. Адам медленно приближался, угрозы он не чувствовал, да и уже общался с этим блистающим светом, а значит, можно продолжать общаться.

При его приближении сверкающая колонна уменьшилась, превратилась в такого же человека, как и Адам, только целиком из блистающего света. Адам остановился, глядя на него во все глаза, а сверкающий сказал довольноно:

– Что за чудо Я сотворил!.. Я даже не думал, что получится настолько прекрасно!

Адам спросил тихонько:

– А оно... прекрасно? Ты – Всевышний?

Господь ответил торжественно:

– Ах, Адам... Тебе не с чем сравнить, потому так и спрашиваешь. Я создал мириады мириад миров, но все их разрушил! В мыслях Мой мир всегда был прекраснее тех, что получались и получались постоянно. А этот... нет, Я не устал, просто снизошло озарение. Бывает такое, когда все силы и возможности концентрируются, создавая невиданный взлет мысли и духа... И Я создал этот мир на пике этого взлета!

Адам огляделся.

– Значит, мир создан в самый удачный момент?

– Да! – прозвучал ответ. – До этого, как теперь понимаю,

было рано, а позже... уже не получилась бы эта красота и великолепие. Получилось бы нечто более... правильное и суровое, но не эта дикая дикость. Так что озираю созданное и горжусь... Кто же посмеет порицать даже последнюю букашку, если я, Творец, горжусь ею?

Адам смотрел на него неотрывно.

– Творец?... Я тебя называю Творцом, но у тебя есть другое имя? Свое? Не может быть, чтобы ты жил без имени и ждал, пока тебя назову я!

Человек из огня и света раздвинул губы в улыбке.

– Увы, Адам. Ты не сможешь меня назвать по имени.

– Почему?

– Просто не сможешь выговорить, – объяснил огненный человек. – Если бы все слова, которые ты знаешь, наложить друг на друга, а также все значения и оттенки, то и тогда их бы не хватило... Словом, зови Меня просто Господь, как ты и решил.

– Это тоже имя?

– Нет, это слабая тень приближенного значения.

– Слабая?

– Ну, очень слабая. Очень-очень.

– Почему?

– Потому что во мне несколько... м-м-м... сущностей. Понимаешь, тебе можно поговорить с другими животными, а мне приходилось спорить с Самим Собой. Когда-то Я хотел создать мир, опираясь только на доброту и милосердие,

но другой Я доказывал Мне, что тогда будет везде одни преступления, Я их называю для краткости грехом. Если же создавать, опираясь на принцип справедливости, – мир вообще вскоре рухнет. Я уже делал такие миры!

– И что?

Творец сделал движение, которое Адам не видел ни у одного животного, как-то странно и бесцельно приподнял и опустил плечи. И хотя животные так не делали, Адам понял, что это движение выражает нечто такое, что не могут выразить животные.

– Первый такой мир, – ответил Творец просто, – Я уничтожил с болью в Себе и великой жалостью.

– А потом?

– Потом создал другой, – ответил Творец. – Потом третий, четвертый... и еще много-много раз пытался, но всякий раз приходилось уничтожать. Наконец Я понял, что на справедливости мир не создать, и попробовал создать на милосердии!.. О, это получилось сразу. Когда все терпимо, когда все можно, когда все прощается... Это очень легкий, свободный, беззаботный... и очень безобразный мир.

Он тяжело вздохнул. Адам, горячо сочувствуя, спросил:

– Тоже не понравилось?

Творец махнул рукой:

– Непотребство, когда все можно, когда милосердие правит в мире... Тот мир Я тоже уничтожил. И даже не пытался создавать другой, ибо чистое милосердие хуже справедливо-

сти.

Адам спросил с горячностью:

– Но что это за мир? В котором мы сейчас?

Творец вздохнул:

– Я попытался соединить в нем и милосердие, и справедливость. Ну, как огонь и воду. Вообще-то огонь и воду соединить и заставить существовать вместе невозможно... но для Меня, как догадываешься, возможно все. Значит, и ты должен научиться невозможное делать возможным! Справедливость будет ограничивать милосердие, а милосердие станет смягчать суровую справедливость. Посмотрим, что получится. Но для тебя это пока слишком сложно, Адам! Ты все это забудешь... надолго. Но в глубинах твоей памяти останется. И когда-то вспомнишь.

– Когда?

Творец повел дланью в сторону цветущего сада.

– Видишь ветви, отягощенные душистыми цветами? Над ними пчелы и бабочки... Пройдет время, цветы превратятся в завязь, появится плод, вырастет, созреет... Так и ты, Адам. Когда созреешь, тогда и вспомнишь. А пока беги, играй. Играя, все живое познает мир.

Адам сделал было шаг в сторону цветущих деревьев, но круто повернулся.

– А почему ты так похож на меня?

– А Я похож?

– Ну да! Я видел себя в озере!

Творец ответил с улыбкой:

– Потому что ты создан по Моему образу и подобию. Адам, ты полон вопросов, но... попробуй не получать их готовыми. Иди погуляй по саду. Кстати, ты хорошо дал имена всем зверям, птицам, рыбам и насекомым. И вообще называй все, на что падет твой взор или чего коснется твоя мысль. Ты это сможешь, потому что искра, которую Я в тебя вдохнул, пока что может... многое. Многие ответы ты получишь сам.

Адам спросил удивленно:

– Что, мне смогут отвечать камни, звери и деревья?

– Смогут, – ответил Творец. – По-своему. Если захочешь понять – поймешь.

Адам с таким вниманием смотрел вслед исчезнувшему Творцу, словно мог проследить его путь. Между лопатками чесалось, и хотелось есть, но он не отрывал взгляда, стараясь удержать мелькнувшую мысль. Мир был создан за шесть дней, тем самым присутствие Творца на Земле закончилось, но не остановилось во Вселенной, границ которой он пока не может и представить. Господь продолжает творить и сейчас, и, возможно, когда-то он, Адам, сумеет увидеть и те удивительные миры, что сотворил Господь до создания Земли.

Зуд между лопатками стал невыносимым, Адам прижался спиной к дереву и остервенело потерся о шершавую кору. Чувственное наслаждение было таким острым и захватывающим, что озаряющая догадка про иные миры погасла, как

гаснет сияние вслед улетающим ангелам.

Он огляделся по сторонам, надо поесть, желудок урчит, солнце напекает голову и плечи, хорошо бы в тень, но там нет ягод... хотя, если посмотреть в траве, там другие: мелкие, зато очень нежные и сладкие...

Потом бегал наперегонки с псом и молодыми жеребятами, лазил по деревьям, пробовал влезть в нору к лисе, не сумел, начал раскапывать, а рассерженная лиса укусила его за палец, за что пес ее облаял и едва не втиснулся в нору, чтобы наказать за своего большого друга. Самым быстрым в беге оказался крупный зверь, похожий на большого кота, Адам назвал его гепардом. Он мчался так красиво и стремительно, что Адам, не в силах догнать, попробовал опуститься на четвереньки и бежать, во всем подражая зверю, однако получилось еще хуже.

В конце концов споткнулся и рухнул, оцарапав лицо о твердую землю. Над головой прозвучал предостерегающий голос:

– Адам, не бери с них пример. В отличие от животных ты был сотворен иначе. Их творил словом, как прочий мир, а тобой Я занимался Сам. Лично.

– Но из земного праха? – уточнил Адам. – Как и всех?

– Из земного, – подтвердил Голос, – но иначе. Мы творили тебя...

– Мы?

Голос произнес небрежно:

– Не цепляйся к словам. Ты тоже иногда противоречишь себе, когда чувства хотят одно, а ум другого. И нередко воля требует третьего. Мы сотворили тебя по Своему образу и подобию, потому тобой занимались так... тщательно.

Адам спросил с недоверием:

– Но сейчас Ты не похож на меня. Я Тебя вообще не зрю!

В голосе прозвучала покровительственная нотка:

– Глупенький, подобие гораздо важнее внутреннее. Ты способен мыслить и принимать решения, это тебя и роднит со Мной.

– А с ними?

– Только плоть, – сказал Голос, вслед за ним появилась фигура человека, но Адам отчетливо видел сквозь нее. – Ты увидишь, Адам, что ты не плоть... Ты живешь в этой плоти, но ты – не плоть. Сложно пока, да? Ничего, потом будет еще сложнее.

– Ну, спасибо, – ответил Адам. – А сказать сразу не можешь? Я ведь и так знаю кое-что такое, что не должен бы знать. Вот, например, что в каких-то случаях нужно говорить «спасибо»... Даже догадываюсь, в каких. Так почему бы не сказать и остальное?

Творец развел огненными руками, за ними пронесся рой белых шипящих искр, но Адам на них не повел и глазом.

– Сказать остальное не смогу, – ответил огненный человек. – И потому, что не уразумеешь, и потому... что Сам четко не знаю, что должно получиться. Я только знаю общую

Цель, которую поставил перед собой... но она кажется дикой и сложной даже Мне.

Адам хотел что-то возразить, но прямо на него полз дракон, больше похожий на гигантскую змею с лапами ящерицы и крыльями бабочки. Такой же изысканно-цветной, яркий, ни одной темной краски, все золотое, оранжевое, красное и алое, все блещет и сверкает, каждая часть отделана с дивной тщательностью, не то что у коров или медведей, которых словно бы даже не лепили, а так и оставляли комками серой или бурой глины.

Дракон едва не уперся головой в человека, однако Адам не отступил с тропки, и дракон, недовольно всхрюкнув, обошел его и с хрустом веток вломился в заросли.

Адам проводил его раздраженным взглядом.

– Красивый, – сказал он, – но все равно какой-то... И все это великолепие Ты создал за семь дней? Даже солнце, луну, звезды, все эти горы и реки?..

Творец ответил с безразличием в голосе:

– Да, все это сделал за семь дней.

– Трудно было?

Всевышний отмахнулся бело-желтой, как солнечный свет, рукой.

– Почему-то все полагают, – ответил он равнодушно, – что создать мир в семь дней – великое дело. Будто это и есть самое главное, что Я сделал! Какие дураки... Нет, короткосмотрящие. Видят только вещественное, зримое.

Адам спросил заинтересованно:

– А что было трудно?

Он сказал с тоской:

– Трудно было придумать! Придумать – вот самое что ни на есть главное. Это же не только великий труд – придумать, но здесь было еще и озарение. Потому этот мир уникален, неповторим, второй раз уже не создать ничего подобного. А созданное в воображении воплотить в материал уже просто... Это работа даже не для Творца, а так...

Адам сказал с сочувствием:

– Но ангелы восхваляют Тебя именно за нее.

– Да просто не понимают, – ответил Творец сумрачно. – Это, конечно, интересно, когда твои же мысли тебя и не понимают. Или когда одна твоя сущность не понимает другую. Ты с этим сам столкнешься...

– Когда?

– Не скоро, – ответил Творец. – Когда усложнишься сам.

– А когда усложнюсь?

– Ты уже начал, – ответило из огненного облака.

Оно исчезло, Адам вздохнул и побежал вместе с ликующим псом между цветущими деревьями, где на одних ветках душистые ароматные цветки, на других – сочные сладкие плоды и ягоды.

Чуть ли не на каждом шагу он натыкался на странных существ, и хотя всем уже дал имена, но не переставал дивиться разнообразию форм и облика. Похоже, Господь творил, не

имея плана, потому столько вокруг дикого и хаотичного...

К примеру, рыбы живут в воде, они для того и приспособлены, это понятно, однако он видел выпрыгивающих из воды рыбешек, что хватают комаров. Некоторые плюхались обратно в воду, некоторые падали на берег и, быстро-быстро работая плавниками, как ящерица лапами, бежали к реке. Но были и такие, что залезали на деревья и там жадно хватали мошек, мелких жучков, бабочек, пока на воздухе кожа не высыхала так, что у рыб выпучивались глаза.

Адам сам помог одной такой рыбине спастись от жары: снял с ветки, обжевшуюся и отяжелевшую, и зашвырнул в воду. Зверей много, к одним равнодушен, другие забавляют, третьи вызывают восторг, лишь к драконам все еще чувствовал смутную неприязнь, а их, как нарочито, попадалось больше всего.

Были драконы, у которых крылья летучих мышей незаметно переходят в крылья бабочек, хотя те и другие вообще-то и так похожи: те же плотные стяжки, толстые дуги с мышцами, но в отличие от бабочек у этих еще и когти на крыльях, а сами крылья – перепонки между сильно вытянутыми пальцами.

Тела у этих драконов вообще странная смесь насекомого и животного наподобие волка, лисы или гигантского орла. Таких Адам не любил особенно, хотя и не понимал почему. Даже обычный большой змей с крыльями, которых Адам тоже почему-то невзлюбил, и то вызывает меньше неприяз-

ни, чем такие вызывающе яркие драконы.

Творец возник впереди на садовой дорожке неожиданно, Адам даже не вздрогнул, уже привык, да и появляется Он всегда тихо, без шума и треска, даже без наглого сияния и блеска, который так любят ангелы. Тоже вроде драконов, мелькнула мысль. Не могут собой налюбоваться. Но существующие в этом мире должны гордиться не блеском своим...

Он задумался, но так и не смог понять, чем же надо гордиться, осталось только смутное чувство неудовлетворенности.

Творец выжидал, пока Адам приблизится, тот и не подумал поклониться, не видел смысла в ритуале, придуманном ангелами, Творец и так знает, кто из них сильнее, Ему не нужны эти внешние знаки почитания.

– Осматриваешь свои владения? – поинтересовался Творец.

– Уже осмотрел, – сообщил Адам.

– Ну и как?

– Ошарашен, – признался Адам откровенно.

– Чем?

– Господи, да всем, на что ни посмотрю! Хотя все, конечно, понятно...

В голосе Творца прозвучало удивление:

– Понятно?

– Ну да, – ответил Адам простодушно. – Над чем-то надо

еще подумать, но вообще-то осмотрел все. Сад не слишком велик, зато дивно красив!

Он задрал голову, над садом медленно пролетела пара ангелов. Вернее, проплыли, ибо крылья их лишь чуть-чуть шевелились под встречным шаловливым ветерком, от лиц идет сияние, золотые волосы горят небесным огнем.

– Их триста, – сообщил Творец.

– А зачем они?

– Освещают сад своим сиянием днем и ночью, а также улаживают слух изысканным пением. Тебе нравится?

– Да ничего, – ответил Адам с неуверенностью. – Просто я не понимаю, о чем поют.

– Разве это важно?

Адам подумал, отмахнулся.

– Вообще-то нет. Это как когда вода журчит в ручье или дерево скрипит. Не понимаю о чем, но что-то нравится, что-то нет...

– Верно рассуждаешь.

– Так и это пение, – рассудил Адам. – Иногда нравится, иногда раздражает.

Творец сказал с пониманием в голосе:

– Это всегда так. Одна и та же мелодия иногда приводит в восторг, иногда в гнев.

– Меня в восторг никогда не приводит, – сообщил Адам, – в умиление разве что... Господь, вон там ангелы снова пролетели, как стая листьев. Зверей я всех понял, а вот природа

ангелов мне еще непонятна.

– Ого, – сказал Творец с непонятым оттенком в голосе, – уже на что замахнулся. Быстро растешь, слишком быстро... Не все можно еще понять, Адам. Но что-то можно. Что тебя озадачило?

– Ну... когда они были созданы... зачем...

– А ты как думаешь?

Адам сказал в нерешительности:

– Ну, если учесть, что небо и землю Ты сотворил вначале, то ангелов создал, выходит, раньше всего на свете... В смысле когда сотворил небо, то сразу и ангелов.

– Правильно рассуждаешь... Даже слишком правильно.

– Да? – спросил Адам, ободренный. – Ведь когда Ты сотворил землю, ангелы уже вопили от радости, верно я понял?.. Ага, и еще я одно понял... Небо Ты создал сразу, так сказать, правильным. Готовым. В смысле что уже ни убавить, ни прибавить. А вот землю создал голую и босую... в смысле потом только создавал моря, горы, леса, зверей и комаров... Почему так?

– Со временем поймешь.

– Я хочу понять сейчас, – возразил Адам. – Наверное, Ты сделал сперва то, что попроще... умных и говорящих тварей, потом – чувственных животных, а потом...

– Потом тебя, – подтвердил Голос.

– Это значит, Ты взял часть ангела, часть зверя... и создал из них меня?

Творец промолчал, но Адам чувствовал, что угадал. Создатель для его сотворения не создавал что-то абсолютно новое, а взял уже готовые части. И вообще если присмотреться, то больше всего Творцу пришлось придумывать в первые дни, а потом во многом исходил из уже созданного. У всего живого правая половинка точная копия левой, таким образом Творец сразу наполовину уменьшил Себе работу. У всех насекомых по шесть лап, у млекопитающих по четыре, у птиц, насекомых и летучих мышей много общего, несмотря на различие, и вообще видно, что дальше Творец просто чуточку менял что-то в уже существующем животном, и получалось совсем иное. Так что если вдуматься, то творил не совсем уж беспорядочно. Какая-то система была.

– Вообще-то верно, – сказал Адам задумчиво, – так проще... Хотя Ты и всемогущий, но зачем делать лишнюю работу? Даже для всемогущего есть, наверное, разница между работой легкой и тяжелой?.. Так что это понятно. Другое непонятно, зачем Ты наделал столько драконов?

Ему показалось, что Создатель смутился. Во всяком случае, ответил не сразу, долго смотрел в небо, драконы там кувыркались, рассыпая радужные искры, пытались гоняться за ангелами.

– Ты знаешь, – ответил он медленно, – это потом, когда все сделано, всяк может сказать: ну это просто! Надо было сразу вот так... Но раньше, когда все как в тумане, когда пробуешь... Словом, это были пробы. Собственно, все на све-

те – только пробы, перебор вариантов, во время которых Я все больше и больше приближался к шедевр. К тебе, мой мальчик.

– Ага, – ответил Адам и шумно вытер кулаком нос. – Значит, я даже лучше этих драконов?

– Намного, мой мальчик.

– А почему их так много?

– Ну... как тебе сказать... Все-таки они очень красивы, не находишь?

Адам всмотрелся в небо.

– Некоторые – да. А другие... что за гадость!.. Их больше, чем всех других зверей на свете. Ими кишит небо, земля, вода, они и под землей, вон дрожит...

– Да, – ответил творец со вздохом, – Я искал долго. Все-таки в них что-то есть. Я все еще пытался спасти эту линию, этот вариант, искал долго и много.

Глава 5

Пес сидел неподалеку, шумно дышал, высунув язык, поглядывал то на Творца, то на Адама. Уловив какой-то знак, подбежал и подставил лобастую голову под сияющую длань. Прозрачные пальцы поскребли ему за ушами, пес зажмурился от удовольствия.

Адам сказал смятенно:

– Иногда я вижу в снах... странные образы, слышу голоса, которых никогда не слышал. Даже наяву иной раз приходят мысли и образы, сложные и пугающие. Я чувствую себя то частью огромнейшего мира, границы которого даже боюсь представить, то вижу мрачные бездны, от которых замирает сердце, и душа в страхе трепещет, как крылья жалкого мотылька...

Творец выслушал, кивнул.

– Будешь взрослеть, и эта связь со Мной потускнет.

– Как жаль...

– И почти погаснет, вытесненная более насущными проблемами.

Адам сказал жалко:

– Меня это и пугает, и... я не хочу терять эти ужасающие видения жуткого величия и грандиозности!

– Ты их увидишь, – пообещал Творец загадочно.

– Когда?

– Потом увидишь.

– Когда? – спросил Адам настойчиво. – Когда я увижу все это великолепие... и не буду трепетать перед его величием?

– Увидишь, – повторил Господь.

Он исчез, Адам покрутил головой, стараясь успеть увидеть, куда же Он умчался, никак не привыкнет, что в отличие от всех птиц, зверей и насекомых Творец может появляться из ниоткуда и пропадать так же внезапно.

Он снова побрел по саду, многое изменилось даже там, где проходил совсем недавно. Груды красивых и отполированных, как огромные птичьи яйца, камней ушли, на их месте расположились цветы – настолько громадные, что лежат прямо на земле, придавленные своим весом. На лепестке можно лечь, а вторым укрыться, запах такой мощный, что начинает забивать дыхание уже с пяти шагов, а рядом Адам начинал задыхаться, хотя все равно любовался тончайшей отделкой как лепестков, так и всего, что посередине, где в сладком облачке пыльцы жужжат пчелы и счастливо мечутся бабочки.

Но больше нравились цветы помельче, они так же затейливо вылеплены, он поражался мастерству Творца и Его терпению, это же как нужно все вытютюливать, там все и не рассмотришь, даже непонятно, зачем так старался, разве что для Себя, но Он же сказал, что мир создал для него, Адама... Значит, он когда-то научится рассматривать и мельчайшие мелочи?

Он обошел сад трижды, наконец Творец возник перед

ним, как всегда неожиданно, без всяких шагов, сопения или даже запаха. Сразу поинтересовался:

– Что беспокоит тебя, сын мой? Я вижу на челе твоём задумчивость и тревогу.

Адам спросил в ответ:

– А я в самом деле Твой сын?

Творец развел руками.

– Настолько, насколько это возможно, Адам. Так что тебя тревожит?

– Ты возложил на меня ответственность, – проговорил Адам медленно, – за все, что растет, цветет и вообще существует. Я походил, посмотрел, но все настолько слаженно, что мое вмешательство нигде не требуется. Ты создал совершенный мир, в нем все само по себе...

– Спасибо, – ответил Творец довольно.

– Ты в самом деле всемогущий? – спросил Адам внезапно.

Творец ответил незамедлительно:

– Да, Адам.

– Тогда... а можешь сотворить такой камень, который не смог бы поднять?

Он видел над садом усиливающийся свет, ангелы, что все видят и все слышат, собираются стаями и жадно слушают его дерзкий вопрос и с таким же вниманием ждут ответ.

Творец ни на миг не задержался с ответом:

– Адам, здесь твой Господь ничего не делает для Себя, а все – только для тебя! А теперь иди, ты еще не весь сад

осмотрел.

Адам глазел по сторонам, когда впереди раздвинулись зеленые заросли. На поляну вышла юная девушка-конь, стройная, с пышной гривой белокурых волос, синеглазая, острые уши нервно подрагивали.

Он охнул и уставился на нее жадными глазами, а она осталась, подав вперед девственно чистую грудь, плечи слегка назад, а руками упиралась на конскую спину, как если бы женщина решила опереться на далеко отставленные ягодичы. Ее девичье тело не переходило в конское постепенно, а состояло из двух половин – нежной девичьей и грубой животной...

Нет, поправил он себя, не из двух, а словно бы нежная стрекоза выползает из грубого сухого кокона, вот-вот освободится от конской кожи, выйдет из кокона полностью, расправит крылья.

Он вздрогнул от ее чистого насмешливого голоса:

– Ну что уставился?

– Красивая ты, – сказал он. – Очень. Ты так не похожа на остальных...

– Ты тоже, – ответила она независимо. – Ты кто?

– Человек, – ответил он с понятной гордостью, – а ты – кентавр, так я тебя назову. Пусть будет имя твое Солнышко.

Она смотрела на него в удивлении.

– Ты можешь давать имена?

– Да.

Она подумала, поворачивая свое имя так и эдак, милости-во кивнула:

– Да, мое имя... красивое. Спасибо.

– Не за что, – ответил он. – Ты и похожа на маленькое солнышко. От тебя такое же тепло и свет.

– Спасибо, – ответила она.

– Я счастлив, – сказал он, – что ты умеешь разговаривать. А то, кроме ангелов, тут никто не говорит...

– Есть еще один, – сообщила она. – Очень красивый. Похож на тебя, тоже ходит на двух ногах... Только он красивее. Намного.

– Красивее? – переспросил он уязвленно. – А что в нем такого особенного?

– У него тело в блестящей чешуе, – сообщила она. – В разноцветной. На солнце она сверкает так красиво, что я просто не знаю...

– А где он живет? – спросил Адам. – Я уже несколько раз обошел сад, но его не встретил.

– Он очень скрытный, – ответила девушка-кентавр. – Хотя не знаю зачем. При его красоте и стати он должен быть всегда на виду...

Адам проворчал:

– Наверное, у него какие-то серьезные изъяны, а ты не заметила... Ладно, пойду поищу его.

Ему показалось, что она посмотрела вслед насмешливо, что рассердило почему-то, хотя и сам не мог сказать, почему

заранее возненавидел существо, как сказала девушка-кентавр, похожее на него.

По пути попался уже знакомый ручеек, раньше Адам переходил его по камешкам, красиво выступающим из воды, похожим на панцири больших черепах, сейчас же с разбега перепрыгнул и побежал, топча цветы и вламываясь в кустарники.

Он обежал сад по кругу, хотел начать еще круг, как вдруг впереди блеснул свет, появилась огненная фигура ангела. Что понравилось Адаму, ангел не торчал на тропке, загораживая ее, а сошел в сторонку, хотя Адам мог бы пробежать и сквозь него.

Адам остановился, грудь часто вздымалась, но он чувствовал, что может так бегать постоянно, даже не переходя на шаг.

– Меня зовут Рафаил, – сказал ангел приятным голосом, – мне показалось, что тебя что-то тревожит, Адам.

Адам огрызнулся:

– А тебе что?

– Да ничего, – ответил ангел спокойно. – Просто я подумал... а вдруг чем-то могу помочь? Согласись, это не совсем хорошо, когда помочь можешь, но... этого не делаешь!

Адам подумал чуть, пожал плечами.

– Не знаю. Не задумывался.

– Скоро задумаешься, – пообещал ангел ласково, – ты ведь царь природы! К тебе будут обращаться с просьбами.

А мне кажется, ты сам что-то слишком взволнован... Тебя что-то тревожит?

– Да вроде бы ничего, – пробормотал он.

– Я же вижу, – сказал Рафаил. – У тебя брови как грозовые тучи... Эта девушка-кентавр?

Адам кивнул. Почему-то не хотелось говорить о ней, но Рафаил смотрел участливо и дружелюбно, Адам пробормотал:

– Почему она такая?.. Ну, как бы из двух половинок... Конской и человеческой. Такая вся тонкая и нежная...

Рафаил сказал тихонько:

– Говорят, Господь создал ее, когда решил, что может сделать нечто совершенное. Но когда он начал новую идею воплощать в жизнь, ему пришла идея еще ярче... Он бросил начатое, это она и оказалась, а сам торопливо сделал человека. Потому она одна-единственная! У нее нет племени, рода. Нет даже пары. Ей суждено оставаться одной навеки...

– Понял, – ответил Адам, – понял... Значит, в раю есть место и для печали?

Расставшись с Рафаилом, он долго бесцельно бродил по саду, пока не увидел мелькнувший вдали среди зелени золотой блеск.

Солнышко вздрогнула, когда он проломился к ней наперерез, ее высокие брови взлетели, а девичьи груди вздрогнули и застыли, собравшись в тугие комки.

– Как ты меня напугал!..

– Извини...

– Что-то случилось? Ты нашел похожего на себя?

Он помотал головой:

– Нет... Да ладно, потом как-нибудь отыщу. Я только сейчас узнал, что не только я одинок, но и ты...

Она ответила с холодком:

– Я не страдаю от одиночества!

Он развел руками.

– Тебе хорошо. А я вот...

Она спросила с недоверием:

– Страдаешь?

– Да, – ответил он. – Может, не очень сильно, но все-таки... все ходят парами, только я вот...

Она фыркнула:

– Может быть, тебе как раз не понравится быть в паре.

Он подумал, снова развел руками.

– Может быть. Но сейчас я завидую любому зверю. Вон, смотри, птицы вместе выют гнездо, а вот двое барсуков роют нору...

Она засмеялась:

– У нас не так сложно! Кони и антилопы просто устраивают лежбище там, где ходят!

Он сказал с надеждой:

– Давай устроим? Я не знаю, что нужно для человека.

– Можем попробовать, – ответила она с сомнением.

Адам воспрянул духом, Солнышко видела, как он обра-

довался, и сама повеселела, расхохоталась. Вдвоем, весело толкая друг друга, унеслись на другой конец сада, там поляна в цветах, вокруг высокие деревья и кустарники, поборолись, шутливо стараясь свалить друг друга, наконец рухнули оба, изможденные не столько от усталости, сколько от мощного запаха цветов, свежего воздуха и пьянящего аромата всей поляны.

Их с такой силой тянуло друг к другу, что они, не расцепляя объятий, катались по поляне, лежали, прижимаясь друг к другу, постигая свои тела и наслаждаясь новыми непривычными и такими мощными чувствами.

Высоко в небе, охватывая весь мир одним взглядом и мгновенно постигая в нем все, от движения облаков и подземных вод до шевеления усика мельчайшего насекомого, Люцифер с интересом рассматривал заснувших в объятиях изнемогших в ласках Адама и Солнышко.

– Господь, – спросил он смиренно, но Творец уловил в голосе самого яркого ангела сдержанное злорадство: – Ты в самом деле именно этого хотел?

Творец не стал спрашивать, что Люцифер имеет в виду, все ангелы с их мыслями у него как на ладони, ответил с сомнением в голосе:

– Это все мелочи творения, заусеницы. Вчистую ничего сложного не сделать... Безукоризненно и с первой попытки получаются только пустяки... Но ты прав, это стоит поправить...

– Но как? – спросил Люцифер.

– Ты уже знаешь, – буркнул Творец.

– Да, – ответил Люцифер. – Ты подумал, и я уже знаю. Как счастлив всякий, кто к Тебе так близок!.. А этой... будешь творить пару?

Творец отмахнулся.

– Все, кроме человека, – животный мир. Или растительный. Я буду вести и заниматься одним человеком. Нельзя по всем дорогам сразу.

Люцифер вскрикнул:

– Но Ты мог бы!

– Что с того, – ответил Творец недовольно, – Мне нужен один результат, а не сотни разных.

Люцифер сказал торопливо:

– Я созову ангелов! Пусть присутствуют при этом великом акте.

Он унесся, тоже думая о том, что ангелы, постигая неведомый материальный мир, все больше облакаются индивидуальными чертами, подражают облику животных, насекомых, драконов, но теперь вот почти все избрали облик огненного человека, ибо Господь человека считает венцом творения, значит, самое совершенное в этом мире – человек.

На зов Люцифера ангелы и явились в виде человеческих фигур, но многие довольствовались только огненным силуэтом, другие обращали на форму очень много внимания, раз уж Господь так тщательно поработал в этом мире, и сами

прорабатывали каждую чешуйку, каждое перышко. Люцифер и Михаил, самые сильные архангелы, вообще щеголяют в огненных латах, скопированных с жестких панцирей жуков и муравьев. Помимо затейливых рисунков, оба нанесли туда еще и странные значки, сообщив другим, что примерно так в этом мире могло бы звучать имя Творца.

Зависая над садом, они обнаружили человека в объятиях спящей девушки-коня, несказанно удивились, заговорили, что Господь снова что-то задумал, раз уж он лежит с этим своим созданием, довольно прелестным...

Творец засмеялся, вошел в материальный мир, ангелы смутились, что приняли Адама за Господа, слишком уж похожи.

– Все хорошо, – ответил Творец весело, – это значит, что Я хорошо выполнил задуманное... Адам, спи!

Адам вытянулся и затих. Ангелы смотрели то на него, то на Творца, и даже самым простым из них стало ясно, кто здесь кто. Творец сказал поясняяще:

– Отныне он будет всякий раз спать в конце каждого дня и до наступления нового.

Люцифер спросил:

– Сон – это... наподобие субботы?

– Точно, – ответил Творец. – Ты всегда быстрее всех понимаешь, что Я хочу. Шесть дней Я творил, на седьмой отдыхал. Вот и Адам пусть отдыхает. Кроме того, сон будет напоминать ему, что человек – не Всевышний. У человека в

отличие от Творца есть материальное тело, которое навязывает свои потребности, и пренебрегать ими трудно. Временами даже опасно.

– Но можно? – спросил Люцифер.

– Можно, – ответил Творец, – но с каждым днем будет все труднее. Так что лучше не пренебрегать, а... контролировать. Держать в узде свою животную половину.

Люцифер смотрел непонимающе. Даже Михаил, Рафаил и другие ангелы, все всегда верили Творцу безоговорочно и никогда не сомневались в Его словах и решениях, на этот раз выглядели озадаченными.

– Я бы просто убрал это противоречие, – сказал Люцифер. – Если Тебе дорого Твое творение, зачем его мучить?

– Будь Я Люцифером, – ответил Творец, – Я бы тоже так сделал. Но только через тернии можно к звездам. А теперь...

Он щелкнул пальцами, девушка-кентавр поднялась и, не просыпаясь, пошла по тропке. На лице ее играла счастливая улыбка. Творец посмотрел на спящего Адама.

– Ладно, пусть спит... Очень быстро он развивается, я чуть-чуть затянул с созданием его пары.

Все смотрели на Творца с ожиданием, однако Он повел бровью, и все разом, кроме спящего Адама, переместились в другой конец сада. Творец не стал вскидывать руки, Ему достаточно слова, все замерли в ожидании, когда тот произнес:

– Нехорошо быть человеку одному...

По мановению Его руки, которой не было, как и самого

манования, из огня и света возникла человеческая фигура. Недвижимая, она зависла в воздухе, затем медленно опустилась на землю. Травинки сперва не прогибались, но Люцифер кивнул на это упущение Творцу, и тело мгновенно наполнилось тяжелой плотью. Трава согнулась, а песок вмялся под подошвами, покорно принимая очертания ступней.

– Нехорошо быть человеку одному, – повторил Творец, – но отныне человек не один.

Ангелы во все глаза рассматривали созданное существо. Это почти Адам, разве что поменьше, полегче, но в первую очередь бросается в глаза огромная кипа иссиня-черных волос, блестящим водопадом спадающая на ровную спину, крупная торчащая грудь и полное отсутствие мужских признаков.

– Самка человека, – произнес Творец. – Нехорошо быть человеку одному, так что будешь ему спутником и другом. Он сейчас далеко в саду, но ты его найдешь легко. Имя его – Адам.

Женщина с удивлением и любопытством оглядела, ничуть не страшась, самого Всевышнего, ангелов, повела взглядом по необыкновенному саду, что окружает их со всех сторон.

Ангелы, в свою очередь, жадно рассматривали ее дивную красоту: женщину Творец создал с длинными волосами, что падают до поясницы, смуглой нежной кожей, двумя дивно вылепленными нежными грудями, крупными и чувственными, хотя вообще-то есть место еще для такой же пары... в то

же время в талии тоньше почти вдвое, если равнять с Адамом, зато бедра шире... Ноги длинные, прекрасной формы, и когда она шелохнулась и повернула голову, стараясь увидеть, какая она там сзади, ангелы охнули, а Люцифер сказал одобрительно:

– Господь, Твое вдохновение Тебя еще не покинуло!

– Надеюсь, – пробормотал Творец, но брови Его оставались сдвинуты, а лицо не было столь радостным в сравнении с тем, когда творил Адама. – Но Я вижу впереди сложности...

Глава 6

Адам очнулся от сна, чутко уловив, что по саду кто-то идет в его сторону. Пальцы зашевелились, рассчитывая потрогать нежную шерсть кентаврши, но ухватили холодную траву.

Он раскрыл глаза, из зарослей вышел удивительно красивый зверь, весь покрытый блестящей, неимоверно прекрасной чешуей, а самое главное – он шел, как и Адам, на двух ногах!

Адам охнул, зверь вздрогнул, на лице отразилось неудовольствие, явно не ожидал кого-то застать на своем пути. Адам поспешно вскочил, протер глаза.

– Извини, – сказал он, – заспался что-то... Ты такой красивый и замечательный! Я не видел тебя раньше, но уже слышал... у тебя нет названия? Твое имя должно быть таким же красивым, как и ты сам. Да будешь называться... Змей!

Зверь сдвинул плечами, совсем как делал это сам Адам.

– Неплохое имя, – ответил он. – А ты тот, о ком столько разговоров?

Адам ощутил, как у него подкосились ноги.

– Ты... ты в самом деле можешь разговаривать?

– Да, – ответил Змей хмуро, – ну и что?

Адам прошептал:

– Как это что?.. Мне и поговорить не с кем! Творец и ан-

гелы – они слишком высоко. Звери, птицы и рыбы не отвечают... Только одна девушка-кентавр со мной говорила, но куда-то исчезла, даже не попрощавшись...

Змей сказал недружелюбно:

– А кто сказал, что я с тобой хочу разговаривать?

Адам спросил растерянно:

– Ты... не хочешь?

– Нет.

– Почему?

– Просто не хочу, – ответил змей раздраженно. – Мне кажется, ты не совсем умный. А если точнее, просто дурак.

Он повернулся и пошел за деревья, Адам растерянно и обиженно смотрел ему вслед, даже когда тот давно исчез из виду.

В небе вспыхнула огненная звезда, пронеслась через небосклон и упала прямо перед Адамом. Так ему показалось на миг, но женщина не упала, а только подогнула на мгновение колени, тут же выпрямилась, оказавшись одного роста с Адамом, гордо взглянула ему в лицо.

Он так и остался с протянутой рукой, когда хотел помочь ей встать. Женщина с интересом взглянула на его ладонь.

– И что ты просишь от меня?

Голос ее был красивым, музыкальным, но насмешливым. Адам в замешательстве убрал руку.

– Прости, я только хотел тебя поддержать...

– Поддержать? Почему?

Он ответил неуклюже:

– Мне показалось, что упадешь.

Она звонко расхохоталась, а он оцепенел, не в состоянии оторвать взгляд от ее прекрасной фигуры, крупной высокой груди, чувственных губ, тонкой талии и длинных стройных ног, вылепленных с тем изяществом и старанием, с каким над женскими скульптурами могут работать только мужчины.

Адам прошептал потрясенно:

– До чего же ты прекрасна... Неужели это мне?

– Тебе, – донесся далекий Голос, и Адам понял, что слышит только он. – Теперь наслаждайся жизнью. Но не забывай, что делу – день, потехе – час.

– Спасибо, – ответил Адам шепотом. – Пойдем, покажу тебе сад... Это мой сад! И мой мир. И ты будешь в этом мире... Да будет имя твое... Лилит!

Она вскинула красивые тонкие брови.

– Лилит? Почему?

– Красивое, – пояснил Адам счастливо. – Я не мог придумать ничего красивее...

Она помолчала, губы ее шевелились, повторяя почти неслышно это имя, наконец кивнула.

– Ладно, пусть будет. Чего от тебя ждать, существо из глины? Мог еще хуже что-нибудь придумать...

– Это самое лучше, что есть на свете! – запротестовал Адам, потом насторожился: – Постой-постой, почему это я

из глины? Пощупай меня, я вовсе не глина!

Она поморщилась.

– Очень мне надо щупать глину. Ты создан из глины, я это знаю.

Он вскинул голову, над верхушками деревьев порхают ангелы, похожие на крупных жуков-светлячков, которым велено освещать сад и улаживать слух в нем живущих пением, а еще небо прочерчивают багровые молнии пролетающих старших ангелов, архангелов и уже выделившихся из них серафимов и херувимов.

– Быстро же тебе доложили, – сказал он горько. – Понятно, хорошая новость ковыляет, а плохая летит... Впрочем, полагаю, важно не то, из чего сделано, а что получилось. Из меня получился царь природы и венец творения! А из твоих ангелов – жуки на побегушках.

Она промолчала, обдумывая, он медленно шел рядом и чувствовал, как от ее тела идут такие чувственные волны запахов, что разум начинает мутиться, отступать стыдливо в темную норку, а он сам, Адам, не выдержал, схватил Лилит в объятия.

Она уперлась ладонями в его грудь, чувствуя под пальцами мощные пластины разогретых мускулов.

– Ты чего?

– Все животные по паре, – сказал Адам горячо. – Наконец-то и мы!

Она сказала надменно:

– Мы не животные.

– Все равно, – ответил он с настойчивостью. – Мы есть!

Мы наконец-то вместе... Как хорошо.

Слегка упираясь, она позволила себя уложить на траву, Адам повалил ее на спину, но Лилит вывернулась, глаза дико засверкали.

– Ты чего?

– Господь сказал, – ответил Адам, – плодитесь и размножайтесь! Вот я это... размножаюсь.

– Попробуй без меня, – посоветовала она брезгливо.

– Как?

– Вон козы, – усмехнулась она, – вон коровы...

Он сказал рассерженно:

– Ты смеешься надо мной?

Она покачала головой.

– А если я не хочу?

– Почему?

– Да просто не хочу, – ответила она. Глаза ее дико блеснули. – Почему я должна делать то, что хочешь ты?

Он произнес гордо:

– Господь сказал, что отныне я – хозяин этого мира! Он велел поклониться мне даже ангелам.

– И что, – спросила она с интересом, – поклонились?

– Поклонились, – сказал он с достоинством.

– Все? – спросила она недоверчиво.

– Почти все, – ответил он нехотя.

– Интересно, – промолвила она задумчиво, – кто же это такие смельчаки, что отказались... Станный здесь мир! Даже ангелы могут выказывать своеволие. Хотя им, думаю, это труднее, чем нам. Отстань от меня! Убери руки! Не лягу я под тебя.

– Почему? – спросил он. – Ты создана для меня.

Она закусила губу.

– Да? Но даже если и так... Я чувствую, что у меня есть силы этому воспротивиться. А раз так, не смей прикасаться ко мне!

Он тупо смотрел ей вслед, она взвилась в воздух и унеслась стремительнее, чем брошенный сильной рукой камень.

Он поплелся к Творцу, тот ощутил его зов раньше, чем Адам открыл рот. Неземной свет, полыхающий, но не режущий глаза, на миг сжег половину райского сада, и тут же все восстановилось в первоначальном виде.

Перед Адамом образовалась пламенная фигура, повторяющая его собственные очертания.

– Лилит, – выдохнул Адам. – Что с нею не так? Господь, Ты создал, как сказал мне, пару... А какая же это пара?

– Лилит, – прозвучал отеческий ответ, – так же уникальна, как и ты, Адам. Она создана из того же огня и света, что и ангелы.

– Она ангел?

– Нет.

– А кто?

– Ее создавал для тебя, – ответил Творец, – для человека.
Он спросил тупо:

– А почему не так, как меня? Может быть, потому и не получается у нас ничего?

– Потому что такое, как ты, – начал объяснять Создатель, – уже не сотворить! Такие взлеты не повторяются. Ты – Моя надежда, Адам. Тобой и буду заниматься. Потому весь этот мир – для тебя. Все животные в нем – для тебя. Горы, океаны, реки, ручьи и вся земля – для тебя. Это Я тебе уже говорил, но еще скажу, чтобы ты запомнил и берег этот мир. Другого уже не будет! Если этот загадишь, то... Даже ангелы, хоть и не для тебя, но признали тебя властелином этого мира!

– А Лилит? – спросил он.

Ему показалось, что на огненном лице промелькнула улыбка.

– Ах да, что тебе горы и океаны, которых ты еще не видел... Для тебя главное – эта женщина, не так ли? Да, Адам, как Я уже сказал, повторяю еще раз, Я создал ее тоже для тебя.

– Спасибо Тебе, Господь!

Снова огненная улыбка, как молния, промелькнула в том месте, где должен быть рот у пылающего человека.

– Ну да, за создание мира не поблагодарил, а вот за создание женщины...

– Прости меня, Господи!

– Ничего, Я все понимаю, Адам. Я в самом деле все понимаю.

– Однако, Господь, – сказал Адам уныло, – если Ты создал Лилит для меня, то почему она отказывается подчиняться мне?

Творец задумался, Адаму показалось, что Творец размышляет слишком долго, он же всеведущий и всемогущий, потом сообразил по наитию, что досталось ему вместе с искрой души, что Господь одновременно решает мириады мириад дел, многие далеко за пределами этого мира, что не больше песчинки в Нем самом, а Он следит и управляет за всем во всех мирах и тем, что за пределами миров.

– Ладно, – ответил Творец несколько отстраненно, – иди погуляй, а Я пока поговорю с Лилит. Дело в том, что у нее тоже свободная воля... не в той мере, как у тебя, но в этом мире сам воздух делает свободными.

Адам поклонился и ушел, выпрямив спину и держа плечи гордо развернутыми. Да, подумал Творец, этот мир делает всех свободными, но не стала бы эта свобода свободой прыгнуть в пропасть. Как, не удерживая от прыганья в бездну, не дать им туда свалиться?

Лилит возникла по его желанию перед ним, удивленная и обескураженная, что чья-то воля перенесла ее сюда, но увидела грозный лик Всевышнего, смиренно поклонилась.

– Ты звал меня, Творец.

– Лилит, – спросил Творец, – почему ты не желаешь по-

клониться Адаму? Все ангелы поклонились ему, как Моему наследнику в этом мире!

Лилит спросила возмущенно:

– Это их дело, но почему я должна поклониться Адаму?

– Он муж твой.

– Ну и что? Он мне муж, я ему – жена. Но я – это я. Я даже не из глины! Почему я должна ему поклониться?

Он подумал, сказал веско:

– Я думаю, твой поступок и твои слова надо назвать... ну, скажем, гордыней. Пусть будет такое слово. И объявим его... ее, гордыню, грехом. Нужен порядок.

– Ты объявишь?

Он подумал, отмахнулся.

– Потом, потом. Позже. Сейчас рано. Для запретов тоже нужно созреть. У малых детей их еще не бывает. А потом из первого запрета разрастутся другие, их будет очень много. Не дозволено будет человеку гордиться ни происхождением, ни ростом, ни силой, а только умением и личным опытом.

Он задумался на миг, а Лилит спросила быстрым льстивым голоском:

– А правду говорят ангелы, что весь этот необъятный мир Ты создал... и все-все в нем, всего за семь дней?

– Правда, – ответил Он.

– Здорово! Как Ты все успел... И все продумал!

Он кивнул, соглашаясь, потом поморщился, словно колебался, принять комплимент или сказать правду, наконец ска-

зал неуклюже:

– За семь дней... Но это Моих дней.

Она вскинула красивые брови.

– Твоих?

– Да.

– А они не такие, как у... меня?

– Нет, конечно, – ответил он раздраженно. – Я ведь тоже не такой, как ты могла заметить.

– А какие Твои? – спросила она наивно. – Сколько моих дней входит в один Твой?

– Не знаю, – огрызнулся Он. – Много, очень много. Бесконечности дней! Это Я так сказал, что семь дней. А раз Я сказал, что семь, то это и есть семь. Просто нужна мера отсчета, вот она и будет. А вообще-то для Меня это один день, в начале которого Я создал... то, что создал, потом все это... ну, звезды, зверей, гадов... Просто семь раз Мне удалось нечто... нечто удачное. А все неудачные попытки не в счет. И никто отныне считать не будет! Их не счесть. Так что семь, поняла?

Она сказала разочарованно:

– Поняла... Я думала, что хоть у Тебя все сразу! Без ошибок.

Он посмотрел остро, громыхнул:

– А это и есть без ошибок! Кому нужны промахи? О них забывают быстро, их слишком много. На самом деле все наше бытие из ошибок. Так что в счет идут только достижения.

Успехи. Открытия.

Она заговорила быстро, не давая ему отослать ее от себя:

– Господь... со мной все понятно... А как возник Ты?

Господь нахмурился... вопрос чем-то неприятен... про-
бормотал:

– Лилит, такие вещи объяснить невозможно. Тебе невозможно. Нет ни слов таких, ни понятий. Ничего нет. Тем более что это не объяснить ни словами, ни понятиями, ни...

Он произнес несколько непонятных звуков, раздраженно отмахнулся.

– Думай что-нить проще. Например, когда в запасе бесконечность... вечность или хотя бы миллиарды лет... то даже при простом переборе может возникать всякое...

Лилит сказала осторожно:

– Прости... Тебе неприятно... что Ты... такой могучий... мог и не быть... но даже при простом сочетании это большая удача... верно?

Господь отмахнулся:

– Предположи, что мир – это огромное Яйцо... или, лучше, гриб, что, созрев, взрывается и выбрасывает тучу пыли, что не пыль, а его семена! А потом разлетевшиеся семена возвращаются обратно, потому что не туда летели, не там опустились... И так много-много раз гриб выбрасывает эту пыльцу, всякий раз добиваясь более удачного рассеяния семян... В этом случае может возникнуть все, что угодно! Я, конечно, возник не так, но тебе и этот вариант понять слож-

но, не так ли? Потому не забивай себе голову такими вопросами, для этого есть Адам, а ты пойди поищи его, постарайтесь подружиться.

– Да-да, бегу, – ответила Лилит, – но мне страшно подумать, что Ты мог бы оказаться и другим.

– Как это?

– Ну... например, как большой и противный паук! Это ужасно. Ты же творил нас по Своему образу и подобию? Я тогда тоже была бы в облике большой и гадкой паучихи... Бр-р-р-р!

Он сказал с неудовольствием:

– Что за глупости! Тогда красивым считалось бы походить на паука. А двуногость полагалась бы уродством, мерзостью... Но ты не забивай голову! Для Меня все создания хороши и прекрасны. Все созданное Мной – любимо. А была бы ты паучихой, считала бы паучиность верхом красоты и изящества. Ладно, беги!

Он исчез раньше, чем она успела открыть рот для нового вопроса.

Глава 7

Адам шел все быстрее, сам не заметил, как перешел на бег, деревья и роскошные цветы замелькали по обе стороны. Некоторые не успевали отскочить с дороги, он исцарапал руки и ноги, наконец закричал в ярости:

– Господи! Ты мне дал власть над животными, птицами и рыбами, но не дал власти над Лилит!

Голос ответил так, словно с ним говорил весь мир:

– Верно...

– Почему? – прокричал Адам. – Почему?

Голос ответил просто:

– У тебя никогда не будет власти над себе подобными. А если будет, та власть несправедливая. За исключением той, когда тебя сами призовут и попросят вести их... какое-то время.

Адам остановился, жадно хватая широко раскрытым ртом воздух. На горизонте наконец появилась яркая звезда, во мгновение ока приблизилась, превратилась в человека из чистого света. Адам ощутил ласковое прикосновение огромной теплой ладони к своей голове. Странное и успокаивающее чувство, он пробормотал уже тише:

– А как... мне теперь?

– Говори с ней, – посоветовал Творец. – Заинтересуй ее. Подчинять можно не только силой.

...Адам разговаривал с Лилит при каждом удобном случае, все случаи считал удобными. Она слушала, потому что обещала Творцу, однако, едва Адам протягивал к ней руки, фыркала и уносилась прочь.

Всевышний наблюдал с улыбкой, однако Адам страдал, однажды пожаловался горько:

– Лучше бы Ты не творил ее!.. Все в саду меня радует, а она ко мне относится хуже, чем все драконы, вместе взятые!

Всевышний спросил с сочувствием:

– Тебе так и не удалось ей понравиться? Смотри, все звери друг перед другом пляшут, когда хотят хотя бы завоевать доверие... Даже пауки, да что уж мелкие твари, и то приходят с подарками...

– Я все делал! – заверил Адам. – Я смотрел, что делают звери! И сам что-то придумывал. Больше ничего не смогу. Придется мне козу брать в пару... Или разыскать кентавршу.

Всевышний сказал строго:

– А вот этого нельзя!

– А что можно?

– Уговаривать Лилит, – ответил Всевышний.

– А если не получается?

– Тогда скажи ей... скажи, что Я создам для тебя другую женщину.

Адам подпрыгнул, спросил счастливо:

– В самом деле создашь?

– Только если Лилит тебя отвергнет окончательно.

– А как узнать...

Творец прервал строго:

– Я узнаю. А теперь иди и поговори с нею еще раз. Уже серьезнее.

Лилит вскинула высокие узкие брови, этот жалкий человечек никогда не выглядел таким напыщенно-серьезным. Он подошел и сел перед ней на камень.

– Лилит, – сказал он совсем не тем голосом, каким умолял ее лечь с ним, – я пришел переговорить с тобой еще раз...

– Нет, – отрезала она.

Он кивнул, почему-то странно не обескураженный, даже вроде бы довольный.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, ты ясно и твердо отказываешь мне? Окончательно?

Она покачала головой.

– Ты все расслышал правильно. А что ты такой... довольный?

– Я говорил с Творцом, – сообщил он. – Он ясно дал понять, что все должны плодиться и размножаться. Только мы не выполняем его волю.

– Ты мне неприятен.

Он снова кивнул, в лице почти ничего не изменилось, разве что крепче стиснул челюсти.

– Вот и хорошо, – сказал он после паузы. – Так и скажем Ему. Ты – против. А Он пообещал сделать мне другую женщину, чтобы люди все-таки могли выполнять его завет.

Она насторожилась, Адам говорит не просто радостно, а даже ликующе. Похоже, в самом деле ему пообещали другую женщину...

– А что будет со мной? – спросила она.

Он в удивлении развел руками.

– Думаю, ничего... Все будет, как и сейчас. Никто тебя ни к чему не принуждает. Во всяком случае, я.

– А ты при чем тут? – спросила она язвительно.

– Я хозяин этого сада, – ответил он с превеликой скромностью, от которой топорщится гребень и распускаются перья. – Живи, как жила.

Он даже улыбнулся ей, когда поднялся и взглянул на нее сверху вниз, и она поняла, что он прощается.

Она сказала торопливо:

– Погоди, погоди... Это надо обсудить. Все так неожиданно! Да и для тебя это приятный и благоприятный выход. Я же вижу, как ты весь светишься, скоро в ангела превратишься... Да сядь ты! Не на камень, садись рядом. Когда так все меняется, надо поговорить на прощанье. Даже наговориться...

Адам воззвал к Творцу с таким яростным криком, что весь сад огласился его истошным воплем. Ангелы всполошились, заметались над верхушками деревьев. Старшие ангелы покинули свои места возле Всевышнего престола и тоже помчались к Эдему.

Творец спросил устало:

– Что случилось, Адам?

– А Ты не знаешь? – закричал Адам. – Лучше бы она этого не делала!

– А что она сделала?

– Она повиновалась Тебе!

– Ты недоволен?

– Еще бы! – закричал он. – Лучше бы я с лягушкой лег!..

Она делала все, что я сказал, даже сообщила потом, что понесла от меня.

Творец поинтересовался:

– Значит, вы будете плодиться и размножаться?

– Нет, – отрезал Адам. – Я не буду принуждать женщину. А это было принуждение. Она подчинилась, это не было по ее воле! Я чувствую себя так гадко, что даже не знаю... Я теперь вообще не хочу другой женщины! В смысле вообще не хочу. Я буду жить один.

– Нет, – прозвучал задумчивый голос, – на этот раз сделаем проще... Хуже, примитивнее, зато безопаснее. И надежнее... Ложись, Адам, успокойся и поспи.

Адам опустился на землю, сморенный как своими страданиями, так и полуденной жарой, моментально заснул. Ангелы жужжали и роились, как пчелы, завидевшие истекающие медом цветы. Творец повел огненными дланями, сам принимая манеры и движения этого мира.

– Не сотворю женщину для Адама из головы его, – произнес Он задумчиво, – дабы не была высокомерной; не из глаза его – чтобы не была любопытной; не из уха – чтобы не

подслушивала; не из уст – чтобы не была болтливой; не из сердца – чтобы завистливой не была; не из рук – чтобы не была любостяжательной; не из ног – чтобы не была праздношатающейся...

Бок Адама на короткий миг превратился в зияющую рану, но тут же вернулся в первоначальный вид, а на другой стороне поляны появилась другая фигура: пара для Адама, как сразу поняли ангелы. Меньше ростом, узкие плечи, но шире бедра, молочные железы и длинные волосы настолько солнечного цвета, что от них пошло сияние.

– Из ребра? – спросил Михаил. – Да будет оно благословенно!

– Почему из ребра? – поинтересовался Азазель.

– Их много, – пояснил Люцифер. – Испортит – не жалко. На втором или третьем получится лучше.

– Кроме того, ребро, – добавил Азазель, – единственная кость, в которой нет мозга.

– Это из-за Лилит? – спросил кто-то сочувственно.

Люцифер покосился на задумавшегося Творца.

– Он делает выводы из неудач. Все еще учится!

Азазель предложил живо:

– Господь, а давай наделаем еще таких же! Ребер у Адама много. И пусть у него будет не одна подруга, а несколько. Я же понимаю, что ему захочется больше!

Творец бросил на него короткий взгляд.

– Почему так думаешь?

– Ты же слепил его из глины, – напомнил Азазель живо. – А значит, животная сторона в нем очень сильна. Иногда, сам знаешь, она будет брать верх... даже не совсем иногда.

Творец кивнул.

– Ты не дурак, Азазель. Проникаешь в суть. Но сделать ему больше подруг значит потворствовать животной стороне. А он должен вооружиться духом, чтобы в неустанном боении одерживать верх.

Люцифер поинтересовался деловито:

– Душу в нее вдыхать будешь?

Творец покачал огненной головой.

– Огонь не гаснет, если от него зажигаются другие.

– Понятно, – сказал Люцифер с пониманием, – так будет положено начало распространению твоего огня по этому материальному миру? Какие-то погаснут, а какие-то дадут большое пламя?

– Ты смотришь далеко, – одобрил Творец. – Ты всегда был лучшим, Люцифер... Если бы только меньше спорил!

Люцифер ехидно усмехнулся.

– Так я ж по делу. Остальные только поддакивают! Итак, ты вынул ребро Адама и сделал из него женщину, послушную и понятливую, плоть от плоти, кость от кости. Но душу ей вдохнул не сам, а зажглась от Адама... Не значит ли, что в ней будет больше животного начала, а духовности меньше?

– Не думаю, – буркнул Творец недовольно. – Разве от выпавшего из небольшого костра уголька не может разгореться

пожар еще больше, чем сам костер?

– Вот и я об этом, – поддакнул Люцифер. – Если животное начнет возмёт верх, то не натворит ли душа под его руководством больших бед? Подумай, Господь.

Творец долго смотрел на женщину, ответил со вздохом:

– Да, что-то Меня не туда занесло...

– Не получилось? – спросил Люцифер с ехидцей.

– Получилось, – возразил Творец. – Еще как получилось.

– Так что же?

– Какое-то неясное предчувствие, – ответил он нехотя. –

Что-то говорит мне, что пора на этом заканчивать. И так то, что получилось, весьма... да, весьма!

Люцифер оглядел мирно спящую женщину.

– Гм, возможно, и пора. А то начинал Ты, Господь, с сотворения мира, а закончил, стыдно сказать, женщиной. Когда цели так мельчают, то лучше остановиться.

Творец вздохнул:

– Ну, тогда пусть это будет последним актом творения!

По взмаху его длани женщина открыла глаза. Ресницы у нее длинные, как отметили ангелы, густые и чуть загнутые, это чтоб защищали глаза от пыли и не слипались кончиками, когда спит. Глаза ярко-синие, как чистые, умытые росой васильки, рот поменьше, чем у Адама, губы пухлые и сочные.

– Поднимайся, – велел Творец. – Да будешь ты женой Адаму. И да прилепишься ты снова к мужу своему и да будешь с ним одна плоть... Как и была раньше.

Азазель восторженно вскрикнул:

– Они будут сливаться?

– Да.

– Составной организм?

Творец буркнул:

– Нет, это иносказание.

– Что такое иносказание?

Творец сказал недовольно:

– Что за мир Я сотворил, где даже ангелы начинают задавать вопросы? Вы – Мои посланники! Вестники Моей воли. Вот и вестите о создании женщины, а не спрашивайте...

Часть ангелов тут же бездумно унеслась выполнять повеление, но Азазель остался на месте, сложил уже развернутые было крылья.

– Господь, стоит ли? А то скоро создание каждой букашки будем вестить... Вот мир создал – да, это творение!

Господь махнул огненной рукой.

– Ладно, не вестите.

Азазель победно оглянулся на Люцифера и других ангелов, что остались на месте. Люцифер подбадривающе подмигнул.

Адам начал выныривать из сна, в ушах звучит рой голосов, но вздрогнул и торопливо поднялся, едва открыл глаза. Поляна ярко освещена небесным огнем, ангелы тесно реют вверху, окружили поляну так, что закрыли собой деревья, а посередине поляны Господь держит за руку прекрас-

ную женщину, чистую и поглядывающую на него с боязливым восторгом.

– Адам, – произнес Он мягко, – так же, как и ты, все мужчины из твоего семени найдут пару... не с первой женщиной, которую они познают. Вот жена твоя. Люби ее и заботься о ней. А ты, женщина, люби мужа своего и заботься о нем! Я именем Своим освящаю ваш брак... как и брак вообще. И отныне вот так будут приводить дочерей своих отцы в этом действе...

Адам робко взял женские пальцы в свою ладонь. Она держалась застенчиво, как лесная лань, никакой дерзости Лилит, никакой заносчивости и высокомерия. Улыбка тиха и скромна, женщина выглядит настолько пугливой, что он сразу расправил плечи и ощутил себя вдвое выше и сильнее, готовый защищать ее хоть от всего мира.

– Спасибо, Господь, – произнес он с чувством. – Да будет имя ее... Ева. Это значит – мать, первая женщина и многое другое. Спасибо, Господи! Я не понимаю, но у меня такое чувство, что это уже родной мне человек.

– Родной, – подтвердил Творец. – Она из твоего ребра.

Адам опасливо пощупал бок.

– Но... почему так?

Творец поморщился, и Адам невольно подумал, что Господь даже в огненном облике все больше становится похож на него, Адама, на существ этого мира.

– Во-первых, – ответил Творец сухо, – так проще. Во-вто-

рых, с этой женщиной тебе легче будет найти взаимопонимание. Именно потому, что она кровь от крови твоей, плоть от плоти. Она – часть тебя, потому люби ее и заботься о ней, как о себе, Адам.

Адам кивнул, глядя на Еву.

– Это я обещаю, Господь.

– Покажи ей свой сад, – велел Господь. – Теперь это ваш сад.

– Спасибо, Господь! Ты очень добр.

– Ваш сад, – повторил он. – Берегите его.

Адам и Ева едва углубились в заросли, как затрещали кусты, выметнулся пес и, оскалив зубы, зарычал на Еву. Она испуганно вскрикнула и спряталась за Адама. Тот расправил плечи, как приятно чувствовать, что можешь защитить, крикнул строго:

– Не рычи!.. Это Ева, моя жена.

Рычание медленно угасало, пес смотрел на Адама с обидой в глазах. Адам развел руками, пояснил:

– А ты – друг. Понял? Ты друг!

Шерсть на загривке пса опустилась, он даже вяло шевельнул хвостом, но в глазах оставался вопрос: а что главное, друг или жена?

– Это разное, – сказал Адам в затруднении, еще не решив и сам, что главное, все-таки с псом уже столько набегался в саду, не сомневается в его любви и преданности, а женщина еще непонятно какие штучки выкинет. – Вы не соперники,

ясно?

Ева робко выдвинулась из-за спины Адама.

– Ты с ним разговариваешь?

– Да, – ответил он гордо.

– И все понимает?

– Да. Только отвечать не умеет.

– Можно, я его поглажу?

– Погладь, – разрешил Адам и добавил: – И он, наверное, позволит.

Ева робко коснулась спины пса, тот смотрел на нее с недоверием, она расхрабрилась и запустила пальцы в его шерсть, пес прижмурился, в это время над садом блеснул яркий свет, жарким пламенем пожара залил поляну. Перед Адамом и Евой возник статный сверкающий ангел, еще могущественнее и красивее, чем все, с кем Адаму приходилось общаться, а когда заговорил, в голосе звучали гордость и насмешка:

– Раньше ты был уникальный, Адам! А сейчас?

Адам покосился на притихшую Еву, она смотрит на ангела со страхом и великим почтением, пес вообще сразу же оскалил зубы и зарычал, спросил сердито:

– И что сейчас? Ты кто?

– Меня зовут Азазель, – ответил ангел. – Смотрю на тебя со скорбью. Кем ты стал. Увы...

Ева отступила и тихохонько встала за спиной Адама.

– Кем и был, – отрезал Адам.

Ангел всплеснул руками.

– Нет, ты теперь как и остальные животные! Они будут размножаться, и ты тоже будешь размножаться. Они будут заселять сад, и ты будешь его заселять...

Пес рычать перестал, видя, как спокоен Адам. Да и в том, что говорит ангел, все правильно, ничего враждебного.

Адам спросил угрюмо:

– Ты только в этом и видишь сходство?

– Да сходство видно во всем, – заверил ангел. – Просто теперь стало еще больше. Заметнее.

Адам возразил:

– А мне кажется, ты мне просто завидуешь.

Ангел задохнулся от возмущения:

– Я?

– Ты.

– Почему? – спросил ангел.

Адам ощутил в голосе сверкающего собеседника некую неуверенность или растерянность, никак не ожидал отпора, а Адам, в свою очередь, заявил громко и уверенно:

– Вы не размножаетесь! Значит, вам недоступно даже то, что могут делать простые мухи, коим несть числа. Вы бес-телесны и не можете вкушать пищу... Вас сотворили сразу всех, и сотворили великое множество... как тех же мух. Во всяком случае, вас наверняка хватит, для чего бы вы ни понадобились! И больше создавать не будут. А вот мы... Ева, иди сюда. Это наш сад!.. Мы здесь хозяева. Мы, а не ангелы.

Ева из-за спины тихонько пискнула:

– Ты так грубо с ним говоришь!

– Это он со мной грубо, – сказал Адам обвиняюще.

– Так то он!

– А это я, – отрубил Адам.

– Он – божий ангел!

– Всего лишь, – ответил Адам гордо. – А я – человек.

Он чувствовал, как в нем просыпается и властно распоряжается новое чувство. Раньше ни за что не посмел бы так разговаривать с ангелом, но сейчас, когда к нему жметя испуганная женщина, ищет у него защиты, грудь с треском раздвигается, плечи становятся шире, а голос становится тверже.

Озадаченный и смущенный Азазель тихонько исчез, Адам ухватил Еву за руку и потащил в глубину сада.

Глава 8

Набегавшись по саду, они легли отдохнуть в тени, но ароматы настолько мощно дурманили головы, что не заметили, как и заснули друг у друга в объятиях.

Адам спал крепко, но сон его был тревожен. Сперва он летал над садом, и это было прекрасно, душа пела, он был счастлив, но вдали возник и разросся особый свет немыслимой чистоты и силы. Адам летел к свету, а когда убоился и попытался свернуть, уже не смог, его внесло, как беспомощную щепку заносит бурная река.

Свет его охватил со всех сторон, он услышал торжественный могучий Голос, что звучал со всех сторон и особенно отзывался внутри его головы:

– Любишь летать... Как же ты, такой малый, но уже подобен Мне, Адам!

И, находясь внутри света, Адам вскрикнул потрясенно:

– Подобен? Как я могу быть подобен Тебе, такому могучему?

– Подобен тем, – пояснил Голос, – что только у тебя есть выбор... и только у Меня. Все остальные... у них все предопределено.

Адам спросил:

– Звери и рыбы – да, но... ангелы?

– Ангелы, архангелы, – произнес Голос огня и света, – все-

го лишь Мои мысли. Посланцы Моей воли. Моих желаний. Потому среди них одни сильны, другие – мелки, третьи совсем ничтожны. Одни длятся долго, другие мимолетны. И пусть тебя не вводит в заблуждение то, что они порой спорят друг с другом.

Адам кивнул.

– Это мне как раз понятно. Я тоже часто спорю сам с собой. Но мои мысли... не принимают огненные формы! И не носятся с огненными мечами над садом.

Творец покачал головой, сказал с мягкой укоризной:

– Да? Ты не видел, каким огнем загораются твои глаза! Ты не видел бури на своем лице. Просто у теленка не может быть столько силы, как у того могучего тура, каким станет. Я сильнее, потому мысли Мои... зримее. Во всем остальном... Но Я говорил о выборе, который тебе придется сделать. Ты – лучшее, что Я когда-либо творил... хотя Я как-то и брякнул, что мог бы сделать лучше! Вряд ли... Этот мир Я создал в лучший свой день, а тебя – в лучший и высший миг этого дня. Сейчас смотрю на тебя и дивлюсь, какой же Я гений, творец! Второго такого уже не создать.

Адам напомнил, дивясь тому, что так смело разговаривает с Создателем:

– Ты говорил о выборе.

Творец сказал:

– Да-да, ты прав. Я все время увиливаю от этой темы, как проклятые реки, что не хотят течь на вершины гор. Вы-

бор в том, что тебе надо решить, как желаешь прожить свою жизнь. Адам, Я знаю, как тебе идти по жизни хорошо и правильно, потому что вижу дальше тебя и зрю все ямки на твоей дороге, все пни и вылезшие из земли корни, которые ты не заметишь в своем торопливом беге...

– Хорошо, – сказал Адам, – говори, я буду слушать!

– Я буду говорить, – пообещал Голос, – лишь бы ты слушался. На дороге будет много опасных ям... назовем их со-
блазнами, обходи их!

– Да, конечно, – заверил Адам, – я буду!

Голос произнес с сомнением:

– Хорошо бы... а то Я такое вижу во всех вариантах пути... Я прошу тебя только об одном, Адам! Верь мне. Просто верь. Я тебя люблю и ничто во вред тебе не сделаю...

Во вселенском Голосе звучала такая же огромная любовь, заполонившая мир, Адам чувствовал, как все в нем откликается и возносится навстречу, как искорка его души сливается с этим океаном огня...

Он проснулся от того, что сердце колотится, будто взбежал на высокую гору, держа на спине тяжелый камень. Под опущенными веками еще блистает дивный и невиданный свет, в ушах гремит величественный Голос, но открыл глаза, и странное видение стало слабеть, хотя некоторое время еще трясло от громадности и необъятности услышанного.

Ева подняла с его плеча голову, в заспанных глазах страх и удивление.

– Адам, что-то случилось?

Он пробормотал:

– Нет, я спал...

– У тебя слезы в глазах! И на щеках... Ты плакал во сне?

Он ответил с неловкостью:

– Не знаю. Наверное. Это же во сне! Так меня никто плакать не заставит. Я здесь главный!

– Тебе снилось страшное?

Он снова пробормотал, отводя взгляд:

– Скорее разное и непонятное... Во сне было все понятно, а сейчас... ерунда какая-то. В жизни так не бывает. Пойдем лучше к озеру. Я вспотел, надо искупаться.

– И ягоды там на берегу очень сладкие, – ответила она живо. – Пойдем!

Ангелы носились над садом и первыми заметили, что он быстро расширяется. Люцифер предположил, что Творец таким образом обучает Адама и Еву. Они все время находят что-то новое, решают какие-то простенькие задачи и таким образом делают первые шаги по пути, который он для них начертал.

В этом мире ангелы уже не чувствовали, что они почти единое целое. Объединяющий всех свет исчез, они носились отдельными сгустками мощи, но только некоторых это радовало, большинство же чувствовали себя несчастными.

Люцифер сделал усилие, чтобы его свет достиг даже самых дальних, сказал громко:

– Неужели только я один скорблю, что теперь Господь все внимание уделяет этому ничтожному комку из глины? Почему только для меня было унижением кланяться ему и признавать именно его властелином этого мира? А чем вы все хуже? Господь сотворил дивный и прекрасный мир, я восторгаюсь им неустанно, однако разве не сделал Господь то ли от усталости, то ли в благородной рассеянности большую ошибку? Ведь правильное было бы...

Он сделал паузу, потрясенные ангелы пугливо молчали. Он озира́л их всех и видел смятение и колебание. Все-таки большинство так и не оспаривают слова и волю Господа. Для них все, что велит или скажет, – непреложный закон.

Наконец прозвучал громкий голос Азазеля:

– Мир был бы еще прекраснее, если бы принадлежал нам!

Еще один голос, Люцифер узнал Шехмазая, могучего и упрямого ангела, громыхнул с такой силой, словно раскололся небосвод:

– По праву.

Люцифер воспрянул духом, самые могучие архангелы разделяют его недовольство.

– По праву, – согласился он быстро. – Мы ведь за справедливость, не так ли? Мы – высшие, мы огненная стихия духа! Знаем больше и умеем несравнимо больше, чем существа этого мира, вместе взятые! Мы, чистые и светлые, сможем еще больше украсить этот мир!

Михаил, еще один из сильнейших ангелов, молчал, но, ко-

гда Люцифер обратил на него свой требовательный взор, ответил с большой неохотой:

– Люцифер, ты все говоришь правильно. Да, мы настолько превосходим человека во всем, что даже смешно сравнивать, как зачем-то делаешь ты. Но как раз если бы мы превосходили человека немногим, я бы тоже усомнился в правильности решения Творца отдать весь мир этому существу! Однако превосходим настолько, что... ты же понимаешь, это неспроста, если Творец именно его назвал властелином всего сущего.

Ангелы молчали, переговаривались тихими голосами, Люцифер сказал горячо:

– Я не оспариваю великий план Творца, хотя и не постигаю его сути!

– Как же не оспариваешь?

Люцифер покачал головой.

– Я только ревную, Михаил. Мы всегда были любимыми созданиями Господа! Почему этот сырой комоч глины оттеснил нас?

Михаил сказал тяжело:

– Думаешь, я не ревную? Но если Господь так решил, мы должны выполнять Его волю.

Ангелы уже молчали, эти двое выражают их чувства и мысли лучше, чем они сами, и Михаил с Люцифером непроизвольно выросли в размерах, подпитываемые их силами, стали как огромные огненные горы, на которых держится

мир.

– Нет, – ответил Люцифер резко. – Я люблю Господа и предан Ему! Потому я буду добиваться возвращения Его любви! Я буду бороться за утерянное место возле Него!

Михаил возразил сильным голосом, в котором звучала мощь и тех, кто отдал ему свою поддержку:

– Опомнись, Люцифер! У тебя было и остается место по правую руку Господа. А человек... он лишь на земле властелин. А это, сам знаешь, так мало.

Люцифер покачал огненной головой.

– Творец думает только о нем!

– У него Великий План в отношении человека.

– Мы ничего не знаем об этом Плане!

– Да, – вздохнул Михаил. – У нас с тобой разница лишь в том, что я верю Господу, а ты – нет. Просто Его План настолько велик, что, как Он уже говорил нам, мы не в состоянии ни понять, ни осмыслить. Возможно, Он говорил нам его не раз... возможно, и говорит? Но что сверх нашего понимания, то не слышимо, Люцифер, ты сам это знаешь.

Ангел Шехмазай сказал с презрением:

– А человек слышит из того, что говорит ему Творец, совсем крохи! Да и то, вы же все ужасались, как он понимает слова Творца и в какие причудливо-отвратительные образы облекает!

– Иначе совсем не поймет, – буркнул Азазель с непередаваемым презрением. – Даже крохи...

– Мы выше человека, – продолжал Михаил, – но не выше Господа. Он знает и видит больше. Возможно, мы не должны знать о Его Плане. Но я верю Господу!

Фигура Люцифера несколько умалилась, он видел, как часть ангелов призадумалась и заколебалась, а некоторые направили незримые лучи в сторону Михаила, поддерживая его слова.

– Не знаю, – ответил он горько, – и все вы не знаете, что за План и есть ли он вообще! Зато мы знали все Его планы раньше. И принимали участие. Мы все ликуем, когда удаются планы Творца! Так почему же на этот раз все от нас скрыто?.. Нет, вы как хотите, а я буду бороться за любовь Господа.

В молчании Михаил спросил сурово:

– Как?

Слово пало, как тяжелый камень с горы. Все затихли, ждали ответа Люцифера. Тот пожал огненными плечами, подсмотрев этот жест у Адама.

– Человек создан из двух начал: животного и духовного. Даже из трех: растительного, животного и духовного, но для нас растительное и животное почти одно и то же. Правда, таким образом животного получается даже больше, чем духовного!

Михаил спросил еще строже:

– И как ты этим воспользуешься?

– Еще не знаю, – ответил Люцифер, – но человек обязательно выкажет свое скотство! Вот на этом его и нужно пой-

мать. Чтобы Господь узрел: животное животным и останется. Ни в какие высокие сферы его затянуть не получится. И даже палкой не загнать!

Михаил сказал в задумчивости:

– Не знаю, хорошо ли так поступать...

– Хорошо, – возразил Люцифер живо. – Я не собираюсь вредить человеку! Во всяком случае, прямо. Но показать Господу, что человек совсем не то, на что Господь надеется, это наш долг, если мы любим Господа и если мы Ему верны.

Ангелы зашумели, задвигались, тела их блистали грозным огнем, некоторые превращались в молнии и сверкали мрачно и величественно, словно деревья из белого пламени.

– С чего начнешь? – спросил Азазель.

– С женщины, – ответил Люцифер.

– Женщины? – удивился Азазель. – Почему не сразу с Адама?

– Разницы большой нет, – объяснил Люцифер, – все равно удар по Еве поразит и Адама. А Ева уязвимее, так как животного в женщине больше. Вспомни, Адаму Господь сам вдохнул жизнь, а Еве перешла искра уже от Адама! Потому она к зову земли чувствительнее. Помнишь, из ребра, скромной и скрытой части тела, сотворил Господь женщину и, пока творил, приговаривал: «Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!» Однако ни от одного недостатка не свободна женщина, чем мы и должны воспользоваться.

Михаил промолчал, но Люцифер видел, что это един-

ственный из могучих ангелов, кто открыто против. Большинство же просто бурчат, но остаются в стороне. И лишь горстка с ним, активные и не соглашающиеся на вторые роли в этом мире.

Пес часто оставлял Адама, исчезая в зарослях, слышно было, как носится там, пугая птиц и гоняясь за зверьками. Потом он придумал себе, что Адаму грозит опасность, и рычал на всех, кто подходил близко, защищая двуногого друга.

Пришлось покрикивать, объяснять, что это не враги, и пес, помахивая хвостом, соглашался, что да, тогда ладно, не будет их гонять и кусать, пусть живут.

Еву принял без восторга, но смирился с ее присутствием, позволял себя чесать и гладить, даже приносил ей палку, но руки Евы оказались слишком слабыми, чтобы забрасывать ее далеко, что уважения к ней не прибавило.

Наконец Ева, ревнуя Адама к этому чересчур преданному зверю, из множества зверей выбрала себе в любимцы кошку, мягкую и пушистую, что умела сладко мурлыкать, потягиваться и постоянно забиралась ей на колени. Адам кошку за это невзлюбил, а раз так, то пес невзлюбил еще больше и всегда старался прогнать подальше.

Ева часто таскала кошку на руках, даже тогда, когда они вдвоем отправлялись собирать ягоды. Но Адам не сердился, ягод хватало всегда, сколько бы ни сорвали.

Долгий субботний день заканчивался, Адам взял два камня и начал колотить друг о друга, пока не высек искры. Те

подожгли сухой мох, бересту, загорелись тонкие прутья сухого хвороста.

Довольный успехом, Адам отбросил камни со словами:
– Благословен творящий светильники огненные!

За спиной послышался укоризненный вздох. Адам вздрогнул, оглянулся, держа в руках камни. К нему приближался, неслышно ступая по вершинкам трав, ангел. Адам вспомнил, что зовут его Михаилом, он не просто ангел, а один из самых старших, архангел, и лучше других знает волю Творца. Ни один стебелек не прогнулся под его крупным телом в сверкающих золотых доспехах, имитирующих крепкий панцирь жука-оленья.

– Как ты себя любишь, – упрекнул он.

– Так за дело, – сказал Адам, оправдываясь. – Видишь, что я придумал? Творец уже все сотворил и создал, прилег отдохнуть от дел своих, как Он говорит, праведных... наверное, это обо мне, а я продолжил Его дело! Как Он и хотел!

Архангел помолчал, не зная, что ответить, но затем, словно приняв новую мысль, возразил мягко:

– Нет, придумал все-таки не ты.

– Как это? – спросил Адам обиженно.

– Огонь, – сказал Михаил, – был создан в канун субботы, но сотворение его было отложено до исхода субботнего дня. Вот до этого момента.

Адам скривился, чуточку обидно, что не он создал такое, а это в него уже заложено, сказал с неудовольствием:

– Ладно, я придумаю что-нибудь и свое. Особенное.

Ангел спросил с любопытством:

– Зачем это тебе? Пусть создает Господь.

– Мне нравится придумывать, – возразил Адам. – Мне нравится действовать.

Он без необходимости бросил в огонь оставшийся хвост, полюбовался бурно и с треском взметнувшимся до вершин деревьев пламенем и ушел за новой порцией веток. Ангел обеспокоенно смотрел вслед, потом уменьшил огонь впятеро и пробормотал:

– Все-таки в нем силы намного больше, чем ума. А смирения почти совсем нет... О чем Творец думал, когда подбирал состав и пропорции?

Над садом мелькнула золотая молния, Михаил услышал насмешливый голос, который шел только к нему одному:

– И ты это заметил?

– Люцифер, – ответил Михаил предостерегающе, – я его не осуждаю, в отличие от тебя!

– А что же?

– Просто недоумеваю.

– Я тоже!

– Но ты споришь, – напомнил Михаил, – а я смиренно склоняю голову перед великой и непостижимой мудростью Создателя.

– Глупец...

Голос Люцифера отдалился и пропал.

Адам не слышал их спора, а если бы и слышал, вряд ли обратил бы внимание. Ангелов, напряженно размышлял он, Творец создал из огня и воды, как я слышал... или почему-то во мне шевелится эта мысль. Вообще-то вода и огонь понятия несовместимые, но для Всевышнего нет ничего невозможного, он даже не думает, что это может быть сложно. Захотел бы: реки текли бы вверх, дважды два давало пять, а люди рождались бы стариками, чтобы идти по жизни вспять и умереть младенцами. Если же Он ангелов создал, примирив огонь с водой, то и все остальное может.

Нужно только не ждать, что Он все сделает сам, а прислушиваться к Нему и делать по Его почти неслышной подсказке, так как у меня свобода воли, а это значит, что и отвечаю за все в саду сам.

Глава 9

Эдем вздрогнул, деревья тревожно зашумели, а птицы слетели с веток и закричали. Под ногами качнулось, Адам услышал треск рвущихся нитей. Посреди сада поднялось и мгновенно расцвело огромное дерево. Крона поднялась высоко и гордо, а ветки раскинулись в стороны широко, укрывая землю, нижние концы опустились, так что придется нагнуть голову, иначе не пройти к стволу...

Голые ветви моментально покрылись крупными белыми цветками. Появился сильный сладкий запах, но спустя минуту лепестки осыпались, и на глазах удивленного и очарованного Адама вместо них появились мелкие зеленые плоды, что медленно наливались соком, увеличивались в размерах.

За спиной прозвучал голос:

– Это особое дерево, Адам.

Он обернулся, Творец тоже смотрел на дерево в глубокой задумчивости.

– Мне оно тоже нравится, – сказал Адам. – Это самое главное дерево, да? Потому ты и создал его позже всех?

Творец отмахнулся, как крупные животные отмахиваются хвостами от мухи.

– Я создал все деревья сразу, – ответил он небрежно, – просто проявил его сейчас. Это особое дерево, Адам! И особые плоды на нем... Весь сад в твоём распоряжении, все де-

ревя, травы и все живое в нем, как Я уже говорил, бери и владей. Но только с этого дерева ты не должен срывать плоды.

Адам спросил настороженно:

– Почему? Они плохие?

– Нет, Адам, не потому. Это дерево... назовем его деревом Познания. Познания Добра и Зла...

– Познания?

– Да. Тебе пора начинать познавать разницу между добром и злом. Все животные, птицы, рыбы и насекомые не знают ни добра, ни зла. Даже Змей не знает, хотя он умеет говорить и ходит на двух ногах, как и ты, однако тебе надо учиться этому странному и не ведомому никому понятию.

Адам спросил с придыханием, в его голосе прозвучал ужас:

– Даже ангелы не знают?

Творец ответил тут же:

– Даже ангелы. Только Я знаю. А теперь этому будем учить и тебя. Начнем с того, что плоды с этого дерева есть нельзя. Тебе нельзя.

Адам тут же спросил:

– А другим животным?

– Животным можно, – ответил Творец, – но ты, если не животное, есть их не должен.

Адам повторил:

– Почему? И что случится?

– Случится страшная вещь, – ответил Творец. – Ты умрешь, Адам. А Я этого очень не хочу.

Адам сдвинул плечами.

– Конечно, я не стану есть плоды с этого дерева.

– Вот и хорошо, – ответил Творец с облегчением. – Тебе пора взрослеть, Адам. До этого, как ребенку, тебе было можно все... ну да, все, а теперь начинаются запреты.

Адам спросил настороженно:

– Что, будут еще?

Творец усмехнулся.

– Не думай о них пока. Когда привыкнешься с этим, тебе легче будет услышать о следующем. Но уверяю тебя, взрослому существу совсем нетрудно жить в мире, полном запретов! Зато у него и возможностей намного больше. Ты сейчас даже не представляешь, насколько. Но когда-то узнаешь.

Адам спросил нетерпеливо:

– Скоро?

Творец усмехнулся.

– Да-да, совсем скоро. Беги, играй пока.

Над садом зашелестели огромные крылья. Ангелы могут перемещаться везде и всюду мгновенно и бесшумно, но в этом мире всем нравилось облекаться в зримые образы. И сейчас Люцифер опускался между верхушками деревьев, похожий на огромную сверкающую птицу, и, лишь когда его ноги коснулись земли, он сложил крылья за спиной и стал похож на человека из огня и света.

Творец все еще в глубокой задумчивости смотрел вслед весело убегающему Адаму. Тот уже забыл о дереве Познания Добра и Зла, перепрыгивает живописно уложенные гладкие валуны, с разбега подныривает под низко свисающие ветви деревьев, отягощенные крупными сочными плодами, налитыми теплым прогретым медовым соком, и вообще беспечен и счастлив...

Люцифер подошел и встал рядом, слегка умалившись в размерах, чтобы не превосходить ростом фигуру Творца.

– Очень хорошо, – проговорил он. – Сказали «нельзя» – он кивнул и пошел, не задавая вопросов.

– Пока да, – согласился Творец.

– А потом...

– Потом заинтересуется, – ответил Творец, – почему именно нельзя.

Люцифер спросил:

– А в самом деле, почему? На мой взгляд, плоды как плоды. Ничего такого особенного.

Творец заговорил медленно и задумчиво, словно перед внутренним взором у него от этой точки бегут в разные стороны мириады разных Адамов, все по разным дорогам, одни уже к вечеру тронут эти плоды, другие завтра, третьи – никогда, с первыми нужно будет поступить вот так, с другими вот эдак, а третьих вообще... потом вот так, вот так и вот эдак, и еще мириады вариантов поступков и контрпоступков, все нужно увидеть, выбрать лучшие, от этого зависит осуще-

ствимость Великого Плана:

– Просто нельзя. Воспитание должно начинаться с запретов.

Люцифер переспросил в затруднении:

– Почему?

Творец снова задумался на миг, и Люцифер потрясенно ощутил по задержке, как далеко Творец проследил путь Адама в разных вариантах бытия и какими трудными к осуществлению и неожиданными оказались многие из них.

– Вам, ангелам, – проворил Творец, – не понять.

– Почему, Господь?

Творец усмехнулся, озарив зарницами половину мира.

– Вот и ты начал задавать вопросы, как Адам! А до этого тебе было все просто и ясно... Видимо, так действует мир, где Меня так мало, странно. Понимаешь, Люцифер, ты, как и все прочие ангелы, создан уже сразу со всеми знаниями и умениями. Тебе ничему не пришлось учиться, тебе не надо меняться. А вот Адам... он сейчас практически не отличается от любого из животных в саду.

Люцифер с готовностью поддакнул:

– Это точно!

Творец покосился на него с неудовольствием.

– Но его можно... выращивать.

– Как растение или куст?

– Угадал. Даже самое громадное дерево вырастает из крохотного зернышка!.. Так и Адама можно вырастить в гиган-

та, который сможет...

– Что, Господь?

– Многое сможет, – ответил Творец задумчиво. – Очень...

– А что Тебя тревожит, Господь? Я же вижу.

– Что Адам многое сможет, – признался Творец. – К сожалению, у него свобода воли. И он многое сможет захотеть из того, чего не хочу Я.

Люцифер воскликнул:

– Так ограничь его, Господь! Если не хочешь вообще стереть с лица земли... почему-то.

– Увы, – ответил Творец сожалеюще, – тогда не достичь того, чего Я хочу.

– А чего Ты хочешь, Господь?

– Многое хочу, – ответил Творец сумрачно. – Многое. Очень даже многое.

– Ты не можешь сказать?

– Могу, – ответил Творец, – но понять ты это не сможешь. У Меня есть План, но осуществить его может только человек.

– Этот комочек глины?

– Он недолго останется комочком глины.

Люцифер оглянулся на дерево.

– А какая роль отведена этим яблокам?

Творец ответил с неудовольствием:

– На самом деле яблоки как яблоки. Да и не яблоки это вовсе, а так... плоды. Но нужен, как Я уже сказал, запрет. Это

первый запрет! И пока единственный. Я смутно прозреваю, что человека развивать можно только через систему запретов. Чем их больше, тем человек сможет подниматься выше, совершенствоваться и становиться сильнее.

– Куда подниматься?

Творец покачал головой.

– Ты тоже увидишь. Потом. Сейчас у человека первый и единственный пока запрет: не есть плоды с этого дерева. Этим он отличается от животных. У них запретов нет. А у него есть.

Люцифер сложил крылья в задумчивости.

– Так что же здесь хорошего? Им больше можно, чем человеку?

– Да, – согласился Творец. – Животные делают все, что хотят. Они, увидев такие плоды, не могут удержаться, чтобы не съесть. Животная часть Адама тоже будет понуждать съесть эти плоды! Но он должен уметь делать и то, что животные не умеют.

– Что?

– Воздерживаться, – ответил Творец терпеливо.

– Воздерживаться?

– Это очень важно, – сказал Творец задумчиво.

Люцифер поинтересовался:

– А почему не выдать все запреты сразу?

Творец улыбнулся, и весь сад вспыхнул дивным огнем.

– Под всеми запретами даже я рухну. Нагрузки нужно уве-

личивать постепенно! Духовность вырастает в преодолении так же, как и мускулы.

Глава 10

Ева пошла собирать ягоды, а Адам, набегавшись и наигравшись с животными, рухнул под дерево с раскидистыми ветвями и уже готов был заснуть, как вдруг заметил неподалеку человека, чуть повыше ростом его самого, а еще сразу было заметно, что травинки под ним не сгибаются.

– Все верно, – сказал человек одобрительно, – я ангел.

– А почему так похож?

– Хочу понять человека, – сказал ангел. – Ведь недаром же тебя создал Господь?

– Тебя зовут Рафаил? – спросил Адам. – Мы с тобой уже разговаривали.

– Как узнал? – спросил Рафаил в удивлении. – Я же сейчас совсем другой!

– Разговариваешь иначе, – объяснил Адам. – Хорошо разговариваешь. Гавриил, например, никогда со мной не говорит, хотя я вижу, как он за мной наблюдает. А Кассиль вообще не отвечает даже на вопросы, хотя я не раз обращался к нему.

Рафаил ответил весело:

– Мы разные, Адам! Мы разные.

– Это я вижу, – ответил Адам недовольно. – А почему разные?

– Сам Господь разный, – пояснил Рафаил, голос его стал

серьезнее и почтительнее. — А ты что, всегда одинаковый?

Адам подумал, помотал головой.

— Вообще-то нет.

Рафаил засмеялся.

— А с кого ты сделан?.. Вид у тебя усталый... Это тоже для нас непонятное... Мы не устаем. А было бы интересно!

— Ничего интересного, — ответил Адам.

— Ладно, Адам, не хмурься, жизнь хороша, в саду так прекрасно! И ты должен быть счастлив, что это все принадлежит тебе. Весь мир, все деревья, кусты, травы, звери, птицы, рыбы и даже вон те далекие горы и стекающие с них реки... Ладно, спи! Я вижу, у тебя глаза уже слипаются.

— Да, — пробормотал Адам. — Так хочется спать...

— Интересно, — сказал Рафаил завистливо, — что это за ощущение... Наверное, очень приятное чувство?

— Не знаю, — ответил Адам, засыпая, — но спать... хорошо...

Рафаил снова вздохнул, человек лежит под деревом со счастливой улыбкой на лице, дышит спокойно и ровно, совсем не заботясь, что кто-то обнюхивает его с интересом, кто-то чирикает над головой, а любопытные муравьи деловито осмотрели добычу, оценили и даже попробовали затащить в норку.

Сон Адама был странным и тревожащим: он не ощущал тела, не видел ни себя, ни сада, с холодком ужаса и обреченностью понимал, что вообще ничего нет, а есть только Яй-

цо, это и есть начало начал, когда нет ни времени... ни пространства. Но вот лопнуло Яйцо... а скорлупки брызнули во все стороны... и несутся через черную бездну... через ничто. Брызги материи бесконечно долго неслись... медленно остывая... сворачиваясь, загустевая... уплотняясь, и все это время его снедала жуткая тоска одиночества.

Затем то... что образовалось из Яйца... начало стареть и усложняться. Ибо когда появляется Время... все начинает стареть и обязательно усложняться. И когда стало трудно следить за всеми своими частями, где все усложняется, усложняется, усложняется, Он осознал, что он... осознает, а следовательно, существует.

И снова зоны времени плыли мимо, он то погружался надолго во внесознание, то снова начинал осознавать себя, пока в некое мгновение просветления не представил себе яркую вспышку... которую уже видел мириады раз, но теперь представил ее... и она возникла по его воле. Возникла и осталась, отделив часть пространства.

Он чувствовал странное состояние. Впервые он создал нечто своей волей. До этого просто существовал, сперва даже не помня себя, но чувствуя очень смутно, потом все ярче и ярче, даже сейчас он чувствует, как он распространяется через пустоту... но впервые удалось отстраниться, выделив свою мысль, и эта мысль создала по его воле то, что возникало только само собой...

Да будет твердь, велел он, и тут же в пустоте появилась

глыба. Ничем не отличающаяся от мириад тех, что неслись через пространство, но эту глыбу создал он, сейчас! И может создать еще. И еще, эта глыба, если смотреть внимательно, тоже вся из пустоты, но эти крохотные кирпичики удалось сцепить так, что они не разлетаются. Дергаются, дрожат от жажды вырваться из незримого плена, но остаются на местах, и глыба – вот она...

Нет большого и малого, все относительно, он сдвинул себя мысленно, и глыба выросла невероятно, он видел, как она трясется, заново приспособляясь к новому состоянию, как внутри от давления разгорается жар, а верхняя корка плавится, течет, двигается, из разрывов плещет огненная лава, а легкая материя, выброшенная вулканами, не улетает, а окутывает вокруг глыбу, что становится все непохожее на то, что создал он своей волей.

Он все еще видел себя целиком: разлетающегося во все стороны огромными кусками материи, дрожащими комочками, из которых состоит все, пространством, формировал туманности и галактики, но все как-то непроизвольно, само собой, но этот комочек, который он создал своей волей, привлекал внимание все больше.

Да будет, сказал он себе и задумался на короткое мгновение, во время которого раздвинулся тысячью мириад галактик, создал мириады спиральных галактик, погасил сто тысяч солнц и заставил вспыхнуть триста тысяч сверхновых. Он чувствовал, как растет, усложняется, каждый миг появ-

ляются частицы, которых раньше не было, а мысль становится все острее, яснее, и он повторил себе уже отчетливее: да будет усложнение и здесь...

Образования над глыбой, что уж и не глыба, за это время приобрели другую форму, он назвал это водой. Вода оставалась чистой, прозрачной, но он концентрировал мысль на усложнении, гонял тучи, а свирепые молнии, толстые и ветвистые, пронизывали воду, поднимая со дна чистый песок и глину.

И когда он увидел, что усложнение не само по себе, как в нем самом все это время, раскручивая галактики и оставляя за ними странные следы, а по его воле, возликовал, назвал это жизнью, и с той минуты уже не впадал в бессознательное, как случалось раньше, а усложнял, усложнял, все больше и больше занимаясь этой точкой на своем неизмеримом теле.

Океаны, так он это назвал, наполнились множеством усложнений, что, усложняясь еще больше, сцеплялись, становились единым, из них получались такие удивительные создания, что он в восторге взрывал галактики и тысячи звезд, создавал тысячи черных дыр и швырял сгустки материи из конца в конец своего стремительно растущего тела.

Жизнь, сказал он себе, это отныне жизнь, так это будет называться. И это высшее и лучшее, что я сделал.

Он усложнял эту жизнь, создавал новые, творил, изменял, многие уничтожил, ибо нелепо или некрасиво, а все должно быть целесообразно, время для него замедлилось, он уже не

видел, как стремительно разлетаются галактики, расшвыривая во все стороны горячие комочки звезд, иначе пропустит усложнение здесь, на тверди, которую назвал землей...

Он чувствовал незримый жар, который сжигал его изнутри, но не видел источника этого жара. И тогда взял из-под ног ком красной глины, слепил фигурку и сказал мысленно: живи и усложняйся. Пусть в тебе буду тоже я, и пусть я буду творить и в тебе, но твоей волей и твоим словом. Я чувствую, что я уже сам усложнился настолько, что могу создать... создать такое. Наверное, могу.

Мелкие частицы внутри фигурки по его воле всего лишь поменяли места, но глина исчезла, а с земли поднялся непонимающий зверь, странно безволосый.

– Здравствуй, – сказал он тихо. – Ты лучшее, что я создал...

Зверь оглянулся. Тогда он понял, что зверю нужно видеть, с кем он общается, торопливо создал образ такого же, только намного старше, потолще, с длинными седыми волосами.

– Здравствуй, – повторил он громче. – Я – твой создатель. А ты – мое лучшее создание.

Странный зверь огляделся, снова посмотрел на него. Спросил непонимающе:

– Да? А зачем ты меня создал?

Странный зверь на миг запнулся.

– Зачем? Гм, я знал, зачем создаю остальных, но тебя... Мне было озарение, некий свет, некий голос изнутри... Ше-

девры создаются словно бы сами по себе. Без всякой цели... но на самом деле, как я понимаю, у шедевров задача очень серьезная. И очень серьезная и трудная работа. Остальные творения ее исполнить не могут.

Странный зверь смотрел непонимающе. Покачал головой.

– Твои слова и мысли мне непонятны.

– Мне тоже, – признался он. – Мы с тобой присутствуем в самом процессе созидания... скажем, мира. Простые мысли и движения я предскажу тебе наперед на много поворотов мира, что плывет среди других миров, как облака в небе... а вот озарения... Наверное, я тебя создал для того... гм... чтобы ты мне помогал.

Зверь переспросил:

– Помогал?... А хотя почему нет? Давай я тебе напомугаю...

– Нет-нет, – сказал он поспешно, – пока тебе рано. Мы с тобой сейчас как раз начинаем...

В носу сильно защекотало, он чихнул, из ноздри вылетел и ударился о землю жук, вздумавший устроить там логово. Сердце колотится часто и трепещет от вселенского ужаса, от такой жути и помереть можно, Адама трясло, он оглядывался по сторонам и с облегчением видел, что он в саду, лежит на берегу ручья под ветвями кустарника: на одних ветвях красивые, дивно пахнущие цветы, на других – спелые и очень сладкие ягоды, в ушах еще звучат странные слова, отдаваясь, а громадные образы медленно тускнеют под натис-

ком запахов, звуков и движения воздуха по коже.

– Странный сон, – пробормотал он все еще в страхе. – Почему... такой странный и страшный?

Над ним прозвучал Голос, и над ручьем вспыхнул свет, превращаясь в человеческую фигуру.

– Сон?.. Да, понимаю. Что тебе чудилось?

Адам начал рассказывать, запинаясь и путаясь в словах. Очень трудно передать в словах увиденное... даже не увиденное, а учувствованное, он только помнит ужасающе сложное и громадное, это ощущение необъятности и сейчас подавляет, он ежился, хотя воздух не просто теплый, а влажный и горячий, а сверху от туч вообще идет разнеживающий жар.

Господь слушал внимательно, не перебивал, а когда Адам закончил с потрясенным выдохом, произнес задумчиво:

– Как же мало я тебе передал своего... но как много вместилось в этот материальный комок! Не ягоды снятся, не толстые и похотливые самки, а устройство мира... Удивительно.

Адам спросил дрожащим голосом:

– Что... так и было?

Творец покачал огненной головой.

– Ничего похожего. Ты просто пытаешься объяснить, используя те крохотные чувства, что тебе доступны.

– А как было?

– Адам, тебе это сейчас нужно знать? Придет время, узнаешь.

– А почему не сейчас?

– Ты ягоды выбираешь спелые? Или и зеленые ешь?

– Нет, только спелые...

– Вот и знаниям надо дозреть. Вернее, тебе до них. Ты даже сейчас слышишь не то, что Я говорю, а то, что понимаешь. Да и то так искажаешь, что сам когда-нибудь будешь смеяться и говорить, какой ты был... несмышленный.

Михаил парил, подобно большой птице, над блистающим садом, вдыхал ароматы и чувствовал, что ему это нравится. Большинство ангелов остались бестелесно-бесчувственными, им достаточно быть исполнителями Божьей воли, но он время от времени становился частью этого мира и усиленно старался понять его законы.

Среди ангелов прошел слух, даже не слух, а намек на слух, что Азазель, самый дерзкий из них, как-то пробовал облекаться плотью, и хотя Творец вроде бы не запрещал этого, но чувствовали, что так делать не стоит. Но Азазель делал и не раскаялся, еще больше дерзил и рассказывал о новых невероятных ощущениях.

Михаил облекаться плотью не решился, однако позволил себе некоторую материальность, чтобы слышать звуки, запахи, ощущать вкус и чувствовать прикосновение к земле, деревьям, животным.

Творец от сада был далеко, но одновременно и в самом саду, как, впрочем, и везде. Михаил не стал опускаться на землю, Творец видит и слышит его везде одинаково, спросил

виновато:

– Господь, не слишком ли хорош Твой мир? Даже я чувствую несвойственные мне соблазны! Я боюсь за других ангелов. А что уж говорить о человеке... Он запутается и сгинет. Почему Ты не ведешь его, как... весь мир?

– Ему дадена свобода воли, – сказал Творец терпеливо, Он ощутил, что повторяет это уже в который раз, хоть и всякий раз на новый лад, – а это значит, ему не закрыты как взлеты духовности, так и падения в бездны...

– Бездны?

– Гм... ну, всего, что в нем от глины.

Михаил спросил в непонимании:

– Но... зачем? Не лучше ли было сделать сразу из духовности? Зачем такой трудный путь?

Творец вздохнул:

– Есть такое, которое сделать невозможно, а можно только вырастить. Но ты этого не поймешь, Я Сам это постигаю с трудом. Этот человек в отличие от вас... даже от Меня!.. есть существо сразу двух миров: духовного и материального! Его сознание уникально: он воспринимает явления сразу двух миров, представляешь?

Михаил содрогнулся.

– Нет, не представляю.

– Я тоже, – сознался Творец, и Михаил с трепетом ощутил, что Творец, с легкостью создающий миры, на этот раз сотворил не мир, как Он сказал, а всего лишь зерно неведомого

мира, из которого разовьется нечто неведомое даже Ему, а только очень желанное. – Нет, представляю, конечно, но не во всех деталях, ибо возможностей развития слишком много... С другой стороны, это уникальное существо, воспринимая эти миры, своими делами, поступками и даже мыслями само влияет на эти два мира!

Михаил подпрыгнул в ужасе.

– Господи, что Ты творишь? Разве такое можно?

– Надо, – ответил Творец с тяжким вздохом. – Такие задачи впереди, что Я просто уже не могу Сам.

Михаил прошептал, косясь по сторонам:

– Неужели Тебе нужен помощник? Ты выращиваешь Себе помощника?

– Не совсем, – ответил Творец, помедлив. – Не совсем. Придет время, узнаешь. Все узнают.

Михаил оглянулся и поймал себя на том, что перенял и этот жест у населяющих сад животных, ведь ангелам оглядываться нет нужды.

– Господь, все впервые не понимают Твоих целей и сильно встревожены. Особенно тем, что Ты начал совсем уж непонятное с этим запретом человеку есть плоды с дерева, растущего в середине сада.

– А что непонятно?

Михаил сказал тихонько:

– Любой запрет, как понимаю, связан с искушением его нарушить. И что дальше?

– Создание человека только начинается, – ответил Творец со вздохом. – Думаешь, Адам уже создан? Не-е-ет, его создавать еще очень долго. Очень-очень. Только эту часть создания следует назвать иначе... воспитанием. Но это то же самое создание, продолжение начального создания.

Михаил сказал почтительно, но в голосе не исчезала тревога:

– Как я понимаю, у Адама есть только два пути. Либо добровольно взять на себя выполнение этой заповеди, либо... не брать. В первом случае можно сказать, что задача по его созданию выполнена успешно, во втором...

Творец ответил со вздохом:

– Во втором случае остается путь кнута и пряника.

– Что это?

– Да это так, почему-то вынырнуло... Из возможных реальностей. Я имею в виду, путь поощрений и наказаний. В смысле благословений и проклятий.

Михаил спросил:

– А не проще ли тогда его просто уничтожить? И попробовать сначала? Я слышал такие разговоры... Ангелы всю обсуждают Твои планы.

– Мои планы? – спросил Творец устало. – Я Сам конечный результат зрю в таком тумане, что не уверен, то ли зрю...

– Тогда, – повторил Михаил, – может, проще уничтожить все и начать сначала? Более простое и понятное?

– Сколько можно? – спросил Творец устало. – Нет, на этот

раз доведем до конца. Я знаю, Михаил, что тебя тревожит! Да, ты прав, человек может не выполнять заповедь, может относиться равнодушно или выполнять только под страхом наказания. Это значит, что животная основа в человеке взяла верх. Но это необязательно, что через некоторое время духовная часть не победит и не выведет к свету!

Глава 11

Ангелы, подражая птицам, слетелись в огромную стаю. И хотя одни держались обособленно, как настоящие птицы, другие благодаря бестелесности легко проникали друг в друга, и нередко в одном месте находилось сразу несколько десятков или даже сотен ангелов, все же выглядели большой птичьей стаей, что покружила над садом, потом выбрала широкую поляну и опустилась на траву.

Люцифер горячо и взволнованно заговорил еще до того, как его ступни коснулись земли:

– Адам как-то сказал, что мы, ангелы, не меняемся. Но он ошибся. Мы не менялись до тех пор, пока не был создан человек. Он своеволием и упорством, когда дерзал противоречить даже Господу, изменил и нас. Мы по воле Господа все видим и все слышим, но в нас теперь западают не только слова Господа, но и те дерзкие речи, которые ведет Адам...

Михаил сказал предостерегающе:

– В Адаме есть частица Господа. Потому его речи тоже находят в нас отклик.

Гавриил проворчал:

– Лучше бы не находили. Отыскивайте в себе то, что пробудили слова Адама, изгоняйте, выжигайте так, чтобы и намек не осталось! Мы – безгрешные, мы всегда правы, мы никогда не ошибались, а Адам постоянно делает ошибки,

оступается, грешит, противоречит самому Господу, который изначально всегда прав и непогрешим в делах и суждениях!

– Да, – подтвердил Михаил, – Всевышний всегда прав, ибо ему ведомо прошлое, настоящее и будущее. Адам – не прав, ибо это всего лишь животное, наделенное душой. Потому мы должны всегда внимать только словам Господа...

Азазель, слушая внимательно, шепнул Люциферу:

– Ты заметил?

– Что?

– Они так часто и настойчиво повторяют, что Господь всегда прав...

– Да, – ответил тот тоже шепотом. – Червь сомнения гложет даже их бестелесные души.

– Что будем делать?

– Думаю, пора объявить не только о наших желаниях, но... и о наших целях.

Люцифер вспыхнул золотым огнем, словно солнце, и исчез. Азазель со злорадством посмотрел в сторону группы ангелов во главе с Михаилом. Земля должна и будет принадлежать ангелам! Но... не всем.

Под сенью деревьев восхитительно, пахнет сладко и свежо, весело порхают крупные бабочки, в листве распевают во все горло птицы. Кошка убежала, только пес прыгал вокруг Адама и Евы, выражая Адаму свою любовь и преданность, а Еве дружбу и покровительство.

Адам вертел головой по сторонам и, не решаясь донимать

вопросами Творца, уловил момент, когда вблизи промелькнул архангел Рафаил, крикнул:

– погоди, у меня к тебе вопрос!

Рафаил тут же возник перед ним и отвесил вежливый поклон.

– слушаю тебя, владыка этого чудесного сада.

Адам сказал поспешно:

– Все животные говорить не умеют, но я встретил Змея, а тот и говорить умеет, и вообще...

Он смешался и умолк. Рафаил расправил крылья, будто собирался взлететь, но неторопливо и бережно сложил на спине, Адам слышал, как они шелестят, укладывая перья.

– Он умеет, – подтвердил Рафаил.

– Но Змей, – сказал Адам с обидой, – отказался со мной разговаривать! Я не понимаю, вроде бы ничем его не обидел...

Рафаил покачал головой.

– Не обидел, но... он обижен. Происхождение Змея тайна и для нас, ангелов. Мы можем только догадываться. Видимо, Творец уже тогда намеревался создать что-то важное, но еще не пришел к окончательному выбору. Потому создал очень совершенное животное и наделил его разумом, а потом и возможностью говорить.

– И что случилось? Ведь что-то случилось?

Рафаил вздохнул.

– Никто не знает. Но, как нам показалось, Змей чем-то

разочаровал Творца.

– Чем?

– Знать бы!.. Но с того дня Змей удалился и ведет достаточно уединенную жизнь. Он обижен на Творца, обижен на всех...

– А я при чем?

Рафаил развел крыльями.

– Возможно, он просто ревнует тебя.

– К Творцу?

– И к нему, и вообще... Все-таки окончательный выбор пал на тебя. Хотя мог бы... Впрочем, не будем гадать, это может только Творец, да еще в какой-то мере теперь ты. Будем надеяться, что Змей когда-нибудь забудет о своей обиде и будет радоваться жизни. Ведь ему дано больше, чем всем остальным!

Цветы пахли одуряюще, Адам чувствовал, что насытился их ароматом так, что можно обойтись без обеда, однако он на ходу срывал сочные ягоды и бросал в рот. Когда его догнала Ева, он угостил ее, а потом терпеливо объяснял, как их снимать с куста, отличая сладкие от кислых.

Однажды она остановилась так резко, словно ударилась о нечто невидимое. Красивый пухлый рот приоткрылся в восторге.

– Как красиво...

– Что?

Адам обернулся, Ева неотрывно смотрела на прекрасное

дерево Познания, глаза блеснули, руки прижала к холмикам груди.

– А-а-а, – ответил Адам. – Это единственное дерево, с которого нам нельзя рвать плоды.

Она удивленно вскинула брови.

– Почему?

– Не знаю, – ответил Адам честно. – Но Всевышний нам это запретил.

– Почему запретил?

– Не знаю, – повторил он терпеливо. – Просто запрещено. А мы должны слушаться.

Она сказала жалобно:

– Как плохо... Дерево такое красивое... И плоды... Как они называются? А что будет, если сорву?

– Умрешь, – ответил Адам поспешно. – Нельзя их есть, нельзя! Нельзя срывать! Нельзя даже прикасаться к дереву. Прикоснешься – умрешь!

Творец, наблюдавший за ними с незримой высоты, недовольно поморщился, а Люцифер спросил осторожно:

– Ты в самом деле так говорил?

– Нет, – сказал Он с досадой. – Я запретил только есть те плоды!

Люцифер подумал, развел крыльями.

– Значит, Адам только усилил Твой запрет? На всякий случай. А то женщина слишком уж засмотрелась на плоды. Ничего страшного. Наоборот, запрет будет крепче.

Творец поморщился сильнее.

– Ничего не понимаешь. К Моим запретам ничего нельзя прибавлять. Как и убавлять. В том и другом случае они искажаются... хуже того, появляется лазейка для зла.

– Это... как?

Творец вздохнул.

– Боюсь, скоро узнаем. Адам не должен был так говорить. Ох, не должен...

Внизу две фигурки все еще стояли у дерева. Потом женская опасливо отодвинулась.

– Пойдем, Адам, – сказала она заботливо. – А то эти ветки колышутся под ветром. Вдруг какая тебя заденет! И ты умрешь, что я делать буду? Я тоже умру с горя. Пойдем.

– Пойдем, – согласился Адам.

Он спрятал хитрую усмешку. Творец озабоченно покачал головой, а Люцифер спросил в удивлении:

– Что тебя тревожит? Разве не замечательно он придумал, что даже прикосновение к дереву опасно? Теперь Ева будет обходить его десятой дорогой.

– Нельзя врать, – отрезал Творец. – Нельзя что-то придумывать и додумывать к Моим словам! Нельзя додумывать к запретам! Просто нельзя это делать – и все. Они не понимают еще... и вы все не понимаете.

– Чего?

– Что так делать нельзя!

...За день они обошли сад, рвали плоды с разных дере-

вьев и кустов, собирали ягоды, потом Еве начало казаться, что Адам все чаще задумывается, хмурится, а челюсти стискивал так, что на скулах туго натянулась кожа.

Наконец она робко спросила:

– Адам, ты на меня сердишься?

Он удивился.

– Ты чего? Нет, конечно.

– Нет, ты сердишься!.. Я чем-то провинилась? Ну ладно, побей меня... Только не сердись.

Он помотал головой.

– Да не сержусь я на тебя!

– Я же вижу!

Он вздохнул.

– Ева, ну почему ты думаешь, что на свете нет больше ничего, что может задеть или обидеть? Ты не одна на свете, правда.

Она просияла:

– Правда, не на меня сердишься? Ой, как хорошо... А что тебя злит?

Он сказал злобно:

– Я знаю, почему Он запретил нам рвать плоды с того дерева!

– Почему? – спросила Ева наивно.

– Он пожалел, что назвал меня хозяином Эдема, – объяснил Адам с горькой обидой. – Пожадничал!.. Или побоялся, что в самом деле начну хозяйничать. Сперва заставил спать

в конце каждого дня, чтобы напомнить мне, кто я и из чего, теперь вот указывает таким образом, что вообще-то настоящий хозяин – Он, а я так, вроде того пса, что бегают и приносят мне палку.

Ева сказала робко:

– Так Он запретил рвать только с одного дерева...

Адам сказал рассерженно:

– Ну и что? Все равно это оскорбляет! Если я хозяин, то почему хозяину нельзя в своем саду делать то, что он изво-лит? А если я не хозяин, то зачем тогда было такое говорить? Не-е-е-ет, Он заранее щелкнул меня по носу.

Она вздохнула сочувствующе и потащила его в заросли кустов, где все ветки покраснели от усеявших их крупных зрелых ягод.

Глава 12

Странные и тревожные сны посетили ее этой ночью. Вздвогнув, она пробудилась и ощутила, что голос, который слышала во сне, продолжает звучать уже наяву:

– Ева... Ева... пробудись... пробудись...

Она распахнула глаза, темно, только высоко над деревьями проплывают, как светящиеся рыбы в темной воде, полупрозрачные ангелы. От их тел струится легкий призрачный свет, странно и непривычно освещая мир внизу, а здесь под ветками на листьях горят крохотные огоньки светлячков.

Адам спит крепко, лицо безмятежное и счастливое, одна рука у нее под головой. Помедлив, она прошептала:

– Я не сплю.

Голос сказал все так же тихо:

– Тогда встань, но не разбуди Адама.

– Зачем? – спросила она. – И кто ты?

– Твой друг, – ответил голос, – встань, ты не пожалеешь.

Она поколебалась, но Адам спит, будить жалко, она очень тихо поднялась и спросила снова:

– Кто ты?

– Иди на мой голос, – прозвучало из темноты.

Она сделала шаг в темноте, глаза начали привыкать, она подумала, что если к тьме привыкнуть, то уже и не тьма совсем. Как будто не тьма. И кто живет во тьме, тот не считает,

что живет во тьме.

Она испугалась своих мыслей, никогда так раньше не думала. Вообще ни над чем не задумывалась, это дело мужчины, Адам любит думать, а ей нравится получать то, что он надумал.

Голос отодвигался, но настойчиво призывал ее идти, и она шла, потому что всегда шла за Адамом: покорно и бездумно, потому что дорогу выбирает мужчина, а она его верная спутница. Но сейчас Адам спит, а ее ведет и направляет такой же уверенный и сильный голос, в нем чувствуется мощь и знание того, что делает.

Из полутьмы выступило дерево: огромное, приземистое, ветви широко раскинуты в стороны, а к земле склонились так низко, что нужно пригибать голову. Ствол толстый, им вдвоем с Адамом не обхватить, даже если будут стараться коснуться друг друга только кончиками пальцев.

Она охнула и остановилась. В темноте все выглядит не так, как днем, но не узнать это дерево невозможно.

– Чего ты боишься? – спросил голос.

– Это то самое дерево!

– Которое?

– Дерево Познания Добра и Зла!

– Правильно, – подтвердил голос, – и плоды его даруют вечную жизнь и полное знание.

Она потрясла головой.

– Нам нельзя есть плоды этого дерева. Нельзя даже при-

касаться к нему!.. Кто ты?

– Так ли это важно? – ответил голос.

Она сказала с удивлением:

– Конечно!

В голосе послышалась усмешка:

– Ах да, для людей важнее не смысл, а кто говорит... Ну тогда... гм... смотри...

Из полутьмы вышел блистающий человек. Чешуя на его теле переливалась всеми цветами, он сдержанно улыбался, глаза блистали весело и хитро.

– Ну как? – спросил он.

Ева ахнула.

– Ты кто?

– Тот, – сказал он дружески, – кто знает правду. А правда в том, что эти плоды есть не только можно, но и нужно. А вам что сказали?

Она ответила послушно:

– Любой из нас умрет, если даже прикоснется к дереву.

Змей сказал с ехидной насмешкой:

– Он врал.

Она вскрикнула с ужасом:

– Что? Всевышний? Как ты смеешь такое даже думать?..

Блестящий человек покачал головой.

– Ты знаешь, кто я? Меня зовут Змей, я самый мудрый из всех зверей. Я знаю все на свете, но не все рассказываю. И я знаю, что любой, кто съест плоды этого дерева, станет,

подобно Творцу, понимать Добро и Зло. Подобно Творцу, ты понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.